

МАРИЯ САКРЫТИНА
.....
НИКАКОГО ЗЛА

Сердце Темного Властелина

Мария Сакрытина

Никакого зла

«Автор»

2023

Сакрытина М. Н.

Никакого зла / М. Н. Сакрытина — «Автор», 2023 — (Сердце
Темного Властелина)

Довела парня до белого каления, и он стал Тёмным Властелином? Угрожает убить тебя, твою мать и зверски расправиться с остальными силами добра? Не отчаивайся! Если тебе на помощь приходит демон, и ты веришь в Настоящую Чистую Любовь - всё возможно. Даже вернуть Властелину его сердце.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Мария Сакрытина

Никакого зла

Пролог

В котором появляется герой и его наставник

Артур не мог вытащить меч из камня.

Он тянул изо всех сил, пока не начинали болеть руки. Тянул долго, пока эфес не принимался выскальзывать из онемевших пальцев, царапая ладонь. А меч как был в камне, так и оставался, не сдвинувшись ни на миллиметр.

Ярко, по-летнему светило солнце, уже в зените. Звенели кузнечики. Ветер гнал волны по травяному морю, обдавая взмокшего Артура свежей осенней прохладой и пряным запахом луговых цветов.

Всё вокруг, от плывущих по голубому небу облаков до порхающих над цветами бабочек, тоже голубых, излучало мир и покой... И не верилось, что где-то за лесом рыскают слуги Тёмного Властелина, его войска сжигают города и деревни, убивают мужчин, уводят в плен женщин, отбирают у детей игрушки и дружно сбрасывают с крыш собачек, кошечек и обалдевших от такого обращения куриц. Курицы, говорят, учатся летать. Пока плохо, но (Артур знал, потому что совсем недавно учил этот параграф в учебнике биологии), естественный отбор им в помощь, потому что (монотонно говорила учительница на уроке) если выживет только улетевшая курица, она зафиксирует эту способность на генном уровне и родит летающих курят. Или цыплят. Артуру было всё равно – куриц он уважал в супе. Но на несчастной участи котят, щенят и курочек настаивал Мерлин, когда описывал Артуру ужасы Тёмного нашествия, и юноша волей-неволей запомнил. Вот только не проникся.

Сейчас Мерлина видно не было, и слава богу! Артур на всякий случай огляделся ещё раз, но ничего, кроме порхающих от цветка к цветку ярко-синих бабочек не заметил. Одна как раз пролетела мимо – Артур протянул руку, в шутку, даже не надеясь поймать. Бабочка покружила над красной стёртой до мозолей ладонью, за цветок не приняла и улетела.

Покосившись на меч, Артур сел у камня – здоровенного булыжника юноше по пояс – и подул на ладони. Стало чуть-чуть легче.

Интересно, там ребята первый тайм уже доиграли?..

– Ты всё ещё его не достал, – произнёс прямо над ухом глухой тихий голос.

Артур поднял голову и мысленно послал своего Мерлина... далеко. За лес. К кошечкам, собачкам и курочкам.

– Без этого меча ты не справишься, – продолжал старик, всем видом излучая неодобрение. Артур раньше удивлялся, как у него это получается: божий ведь одуванчик, ветер подует – улетит. Но жезл Мерлин, вопреки своему виду, держал крепко и бил им больно – это Артур на себе почувствовал уже не раз.

– Чем ты собираешься победить Властелина? – продолжал Мерлин. – Голыми руками?

«Я вообще не собираюсь его побеждать», – подумал Артур, но вслух ничего не сказал. Перечить бесполезно – это он уяснил ещё, когда пять лет назад заявил, что не желает переезжать и учиться фехтованию не желает тоже. А желал Артур быть художником. Впрочем, Мерлину было виднее, кем Артуру быть. Артуру надлежало стать героем. Победить Тёмного Властелина. Возможно, умереть в процессе. Но – вместе с Властелином. И будет тогда в этом мире

покой и счастье... Артур эгоистично думал, что ему тогда ни покоем, ни счастьем насладиться уже не получится, но опять же, не перечил. Себе дороже – бил Мерлин больно и метко.

– Вставай.

Артур встал. Взялся за эфес. Упёрся ногами. Дёрнул. Меч не шелохнулся.

Артур посмотрел на Мерлина.

– Я не могу.

– Ты должен.

Иногда Артур думал, что его Мерлин – киборг. Интонации, приказы, сами движения, – всё отдавало машиной. «Вставай, пытайся, делай». Программа.

Артур потянул проклятый меч снова. Мерлин наблюдал.

И так было каждый день уже почти месяц. Артур тянул, Мерлин наблюдал, меч оставался в камне. И наверняка останется и дальше, потому что какой бы ни была эта магия, Артуру она не покорялась. Артур вообще был обыкновенным – до двенадцати лет так уж точно. И он уже смирился, что не получит письмо их Хогвартса, не прогуляется к Ородруину и не провалится в шкаф в Тайной комнате, – ну и ладно, ему и так его жизнь нравилась! Но потом на пороге появился старик, заколдовал родителей и сообщил, что Артуру суждено спасти мир. Круто, сказал в ответ Артур, а где мой супергеройский костюм? Потом узнал, что старика зовут Мерлин и долго смеялся, выдавив в конце: «А мой папа не Утер Пендрагон!» Нет, ответил Мерлин, твой папа не Утер. Твой папа хуже.

Так Артур узнал, что его отец был последним Тёмным Властелином в параллельном мире (том самом, который надо спасти), и что зажигал он там на полную катушку. Что его единственного сына выкрали («Спасли», – говорил Мерлин) и отправили сначала в небытие, а потом зачем-то в другой мир к другим родителям жить нормальной жизнью («Ждать своего часа», – говорил Мерлин). Артур раньше думал, что такие сюжеты бывают только в глупых фильмах и книгах и потому не поверил. И мир спасти не захотел. Но Мерлин со своим жезлом оказался очень убедительным.

Выходило, что об Артуре вспомнили, когда звёзды сложились, чёрная птица на горе Рокх ухнула, и некое предсказание прозвучало... В общем, все знаки указали на появление нового Тёмного Властелина. Ещё было какое-то пророчество о какой-то фее. Но это Артура не волновало: Мерлин ясно дал понять, что переносит Артура в этот мир не для прогулок, флирта с русалками или бесцельных путешествий, а для тренировок, тренировок и только для тренировок. Мерлин уверял, что сын каждого Тёмного Властелина был обязан убить отца, и, как показывала история, всегда убивал или хотя бы пытался. Но раз уж потенциал Артура ещё не растрочен (то есть, отца за него уже убили какие-то волшебники и, кстати, прекрасно обошлись без героя), то он – герой, готовый для сражения с Тёмным Властелином номер два. Или три. Или много. Кажется, в этом мире Властелинов было – считать замучаешься.

Артур плевать хотел на цифры, он мечтал вернуться обратно – жить нормальной жизнью... Но нет, старик Мерлин всё устроил: родители были уверены, что каждый день с полудня до позднего вечера их сын занимается в спортивной школе, а не путешествует в параллельный мир и тренируется разве что с учебной рапирой, а не с мечом, с кинжалом, с луком...

Оружие Артур ненавидел, тренировки его бесили, от тоски он даже сбегал пару раз из дому. Ничего не вышло – только расстроил маму, а Мерлин рассвирепел так, что Артур навсегда уяснил: наставника злить вредно для здоровья. И тогда же понял: Артур герой и точка. Он убьёт Тёмного Властелина. Ибо – надо. Всё остальное неважно.

Понял, но не принял. В душе он бунтовал, да, но кого это заботило?

Иногда Артур думал: а что представляет собой этот Властелин? Юный герой давно уже не верил рассказам Мерлина, хоть тот и пичкал его душераздирающими историями на обед и ужин. Но что если Властелин такой же Тёмный, как Артур – герой?..

– Старайся, – приказал Мерлин, который хоть стоял на самом солнцепёке, но уставшим или сомлевшим совершенно не казался. – Ты должен достать этот меч. Только им ты одолеешь Властелина.

«Да пошли вы все!» – устало подумал Артур. И потянул меч снова.

Меч так и остался в камне.

Артур шлёпал по лужам в кедах, слишком лёгких для осенней слякоти. Он промок и замёрз – сначала взмок из-за проклятого меча, в том солнечном мире, где даже ветер казался ласковее, дружелюбнее. Дома же ветер вгрызался ледяными зубами в разгорячённую кожу – Артур дрожал под мокрой тонкой курткой и думал, что ещё утром ведь было теплее! И что хорошо бы свалиться с простудой и не выходить из дома вообще. Никуда. Особенно, в портал. Но Мерлин ведь всё равно достанет...

Артур шёл и старался не замечать идущего следом Мерлина. Старался не замечать и всеми силами делал вид, что Артур с ним не знаком. Мерлин всегда провожал Артура домой. Не просто выбрасывал из портала, а доводил до порога. Как какую-то девочку.

И всегда одинаково: Артур торопливо шагал, не оглядываясь, а Мерлин величаво шёл следом с видом престарелого денди, который выгуливает своего пса. Только поводка не хватало. Но конечно, зачем поводок, Артур же дрессированный...

Впрочем, сейчас их никто не видел. На улице было пусто: в элитном спальном районе в такую погоду даже собачники не гуляли. Только раз мимо пронеслась чья-то Бентли, щедро забрызгав грязью Артура и по странному зигзагу объехав Мерлина. Потом, когда Артур был уже у подъезда, на крыльце соседнего дома мелькнуло ярко-зелёное пальто. Артур мысленно отметил, что это наверняка Виола: только она одевалась в такие кислотные цвета. Отметил и удивился: куда это она так поздно и в такую погоду?

Артур с Виолой учились в одном классе, но общались всего один раз, когда Виола обзавелась странным другом, который классно играл в футбол. С ним команда Артура выиграла пять раз подряд, потом этот друг... кажется, Дамиан (иностранец, что ли?) куда-то исчез. Вместе с Виолой. Куда делась одноклассница, Артура не волновало, а вот без её друга победы обходили команду стороной, и с этим надо было что-то делать.

Забыв про Мерлина, Артур направился к замершей на крыльце девушке в зелёном. И замер: эта красавица Виолой быть точно не могла. Может, новая соседка? Ещё одна любительница кислотных цветов?

Девушка тем временем закончила копаться в сумочке, зонтик не нашла, тихо проворчала что-то, выпорхнула из-под козырька над крыльцом, и тут же с разбега угодила в лужу. Артур молча смотрел, как она топчется по мокрому асфальту в своих резиновых сапожках с детским рисунком – лягушки в коронах. Как из её причёски вылетает что-то мелкое и блестящее, и длинные, до земли, волосы рассыпаются по плечам и спине. Как девушка пытается их собрать, корча отчаянные рожицы и тихо ругаясь...

Потом на крыльце появился холёный рыжий кот. Даже нет, котяра: усатый, полосатый и с такой мордой, словно ему принадлежит весь этот мир. Девушка, к тому времени кое-как справившись с волосами, увидела его, подпрыгнула, прошипела что-то вроде: «Обязательно сейчас?!» Кот одарил её презрительным взглядом и принялся вылизывать переднюю лапу. Девушка ещё что-то прошипела, схватила кота – тот покорно обвис – и, водрузив его себе на голову, побежала к метро.

Артур проводил её взглядом. Снова не смог сдержать улыбки: флегматичная морда кота смешно контрастировала с раздражённой миной красавицы. Потом отвернулся и только тогда заметил, что Мерлин тоже следит за девушкой.

– Не смей с ней общаться.

– Что? – опешил Артур.

– Не смей с ней общаться, – повторил Мерлин. И тут же: – Иди домой.

«Киборг», – вздохнул про себя Артур, а вслух спросил:

– А кто это хоть?

Он не ожидал, что Мерлин ответит: это выбило бы его из программы. Но старик, глядя куда-то мимо Артура, выплюнул:

– Фея. Предательница.

– Фея? – опешил Артур. – В этом мире?

– Иди домой.

Артур отвернулся и молча шагнул к крыльцу. А про себя подумал, что нужно эту красавицу обязательно подкараулить. Фея? Это хотя бы интересно!

Может, она подскажет, как и ему что-нибудь или кого-нибудь предать, чтобы избавиться от Мерлина раз и навсегда?

Глава 1

В которой я в очередной раз меняю внешность

На кладбище тихо и мокро.

– Габи, скажи честно... как ты до этого додумался? – спрашиваю я, угодив сапогом в очередную лужу и забрызгав колготки.

Ветер, свистя, кидается мне в лицо. Сверху что-то недовольно шепчет голыми длинными ветвями тополь. Ему вторит клён, щедро роняя алые в свете фонаря листья.

Мне холодно. У меня на душе скребут кошки. И одна из этих кошек удобно устроилась на моём плече!

– Ваше Высочество, поверьте, если вы будете пользоваться вашей головой не только для того, чтобы есть или примерять безумные наряды, но ещё и чтобы думать, вы тоже очень быстро придёте к выводу...

– ...что гулять по кладбищу в десять вечера – отличная мысль? Очень сомневаюсь. И слезь с меня.

Рыжий кот только зевает. Не знаю, радоваться или всё-таки поругаться? До этого Габи долго комментировал мой гардероб. Едко, цинично с замечаниями вроде «у тебя каждая деталь одежды с лягушкой?», «не знал, что ты так наслаждалась своим проклятьем», «зелёный цвет твой любимый или ты носишь его с намёком?» Да, с намёком, да, мне нравилось лишний раз ткнуть окружающих в моё сходство с жабой, да, я знаю, что это комплекс, но как по мне – я так защищалась! Если каждый смотрящий на меня и так вспомнит лягушку, то... пусть видит, что я этого не стыжусь!

Поэтому да, лягушки у меня на одежде везде, и да, это намёк, а не повод всяким демонам надо мной смеяться!

Впрочем, сейчас есть проблемы поважнее оскорблённого самолюбия.

Я сажусь на корточки.

– Слезай.

– Послушай, фея... – лениво начинает демон, но я ставлю его на землю до того, как он успевает снова уцепиться за моё пальто когтями.

Старое кладбище густо заросло травой, а сейчас, после дождя она ещё и мокрая. Габи тут же получает свою порцию осенней «росы» и начинает вылизываться – словно настоящий кот – да ещё и трясёт лапой, к которой прилипла жёлтая травинка.

– Показывай, куда идти, – тороплю я.

Кот продолжает умываться. Вдумчиво. Тщательно, полностью отдавшись действию.

– Габриэль!

– Я же сказал, – зевает кот. – Ищи крапиву. У могил. Что тебе непонятно, фея? Иди ищи.

Я оглядываю утонувшее во тьме кладбище: луч моего фонаря (хоть его я дома, как зонтик, не забыла!) выхватывает тропинку меж могильных камней и вдобавок чьи-то неясные тени. Рядом что-то трещит, постукивает и шепчет. Картинка для ночи ужасов, не хватает только мертвецов с их «Уэ-э-э!» и ведьм у котла.

– Крапива в десять вечера. Габриэль, ты издеваешься?

Демон продолжает вдумчиво вылизываться.

Я оставляю его сторожить сумку, из которой загодя вынула пакет и ножницы, и прохожусь меж могил. Да, кресты и могильные камни заросли травой, естественно, это же старое кладбище, но трава эта сейчас уже сухая, и потом, как я ночью узнаю в ней крапиву?..

– Фея... – фырчит Габриэль. – В травах не разбирается... Стыдись... Да вон, глянь, слева от тебя.

Ближайший ко мне камень начинает светиться зелёным. Фосфорическим зелёным. Я сажусь рядом с ним на корточки и срезаю всю траву, до которой дотягиваюсь – дома разберусь, какая из неё крапива.

Свечение перекидывается на крест справа...

– Габриэль, уймись.

– Я ничего не делаю.

Удивлённо поворачиваюсь к нему, а камень рядом вдруг вздыхает и восторженно шепчет:

– Там кот разговаривает!

«Да? А тут камень», – ошеломлённо думаю я, встаю и оглядываюсь.

– А вдруг она ведьма? – отвечает крест. И громче: – Вы ведьма?

– Она ещё не определилась, – усмехается Габриэль, продолжая умываться.

– Габи! Заканчивай!

– Это не я, – фыркает кот.

Я заглядываю за камень. Обхожу могилу, тщательно высвечиваю каждый её сантиметр фонарём. И вторую тоже. Никого.

– Габи!

– Что?

– Точно ведьма, – вновь шепчет крест. – Она даже не испугалась, видишь?

– А может, у меня папа гробовщик? Почему же сразу ведьма? – интересуюсь я в сумрак за могилами. Потом поднимаю голову...

Мальчишки лет одиннадцати. Сидят, милые, на тополе, улыбаются. Во все тридцать два зуба каждый, ярко сверкая клыками. Красавцы.

– Слезайте, – устало говорю я, приглушая яркость фонарика. – Вы почему не в школе?

– А ночью школа не работает, – резонно отвечает один, а второй скалится ещё усерднее и вдруг начинает завывать:

– Мы всех учителей покусали, и они превратились в зомби, мы сейчас и тебя покусам – буэ-э-э-э!

Я прибавляю яркости и старательно свечу фонарём ему в лицо.

– А знаешь ли ты, о юный вампир, что этот фонарь освящён самим Папой Римским, так что от его света ты уже должен обратиться в пепел... Короче, слезайте по-хорошему или мой демон вас снимет.

– Ух ты! Настоящий демон? – хором восклицают мальчишки. – Пусть снимет!

– Легко, – отзывается Габриэль, и ребята мгновенно оказываются на земле, а этот рыжий нахал даже не перестаёт умываться.

– Кру-у-уто! – ахают мальчишки. – Ведьма, а нас научишь?

Габриэль опускает лапу, поворачивается к нам, минуту внимательно оглядывает ребят, потом начинает вылизывать вторую лапу.

– Нет. Не научит.

– А почему?

Меня интересует тот же вопрос, но я знаю, что если задать его, Габриэль пустится в странные объяснения о роде людском, о нашей предсказуемости и... У демонов странное чувство юмора. Просто поверьте. И не связывайтесь.

– Ребят, может, лучше найдёте мне здесь крапиву? Очень надо.

– Для зелья? – догадывается кто-то из мальчишек. – А что ты будешь варить?

– Какую-то отраву, – честно отвечаю я и протягиваю ему ножницы.

Мальчишки снимают накладные вампирьи зубы, забирают ножницы и деловито приступают к заданию. Я смотрю, как они ползают между могил, как безошибочно находят крапиву,

аккуратно срезают её и кладут в мой мешок... И меня начинают терзать смутные сомнения... А что, в школе юных ботаников учат находить крапиву среди сена поздно вечером без фонаря? Я хорошо учусь, но, признаюсь, вот так сразу бы не справилась – в темноте, на кладбище, осенней ночью...

– М-м-м, ребят, а вы кто такие?

– А мы ведьмам свои имена не говорим, – отзывается один, а второй добавляет:

– А то заколдуешь.

– Э-э-э...

Габриэль фырчит – кажется, он так смеётся.

– А где вы живёте, – пробую я, – тоже не скажете?

– Не-а. А то ты придёшь и убьёшь нашу бабушку.

– Почему бабушку? – окончательно теряюсь я.

– Ну, в «Красной шапочке» волк тоже сначала дорогу спрашивал, а потом убил бабушку.

– Но я... Я же не волк.

– А кто тебя знает? – фыркает один, а второй, улыбаясь, отдаёт мне полный пакет. Потом добавляет:

– Вдруг ты только притворяешься? А на самом деле страшный и ужасный оборотень?

– Фея она, – отзывается Габриэль уже в своём обычном (ну, обычном для меня) человеческом обличье. – И тебе это отлично известно, – он щёлкает пальцами, и мальчишки пропадают. Только два сверкающих золотом листка кружатся, плывут по воздуху... – Выходи, дракон. Попытка была хорошая, но этот фокус повторяют уже тысячу лет все маги жизни. Скучно.

Габриэль как всегда...

Когда из-за тополя появляется Туан, я даже не... Да ладно, чего греха таить – я удивляюсь! И ещё как!

Я, не Габриэль. Демон словно того и ждал.

– Властелин послал? – интересуется он почти миролюбиво.

Туан смотрит на меня, и его глаза сверкают золотом. В декорациях кладбища выглядит впечатляюще.

– Да. За ней. Отдай её, дух, и Властелин отблагодарит тебя...

Габриэль смеётся – весело и громко, как над хорошей шуткой. Что, кстати, совершенно с кладбищем не вяжется. Потом поворачивается ко мне и спокойно, обыденно спрашивает:

– Хочешь, я его убью?

Я хватаю ртом воздух, а Туан улыбается.

– Какой самоуверенный дух. Где ты нашла такого, фея? – И шагает ко мне. – Идём, Властелин ждёт.

Я молча перевожу взгляд на Габриэля – тот улыбается – и чувствую себя зрителем в театре. Что это за спектакль?

Туан спотыкается уже на третьем шаге. Между нами – светящаяся могила (очень эффектно, Габриэль!), и демон, положив руку мне на плечо, говорит, не стирая с губ улыбки:

– Ты недавно в Астрале, юный дракончик?

Туан не шевелится – кажется, просто не может – но его глаза распахиваются так широко, и в них появляется такое загнанное выражение, что мне становится жаль. Особенно, когда Габриэль с усмешкой повторяет:

– Виола, ты не ответила. Убить его?

– Чт-что?! – вздрагиваю я. А ведь он серьёзно! – Нет! Конечно, нет!

– Уверена? Это ведь он виноват в том, что случилось с тобой и демонологом.

– Габриэль, ты с ума сошёл, отпусти его немедленно!

Демон улыбается.

– Нет, – и, повернувшись к Туану, ласково продолжает: – Я лучше отправлю тебя назад, дракончик. К твоему Властелину.

В глазах Туана ужас, а Габриэль делает нетерпеливое движение рукой, как будто отмахивается от надоедливого насекомого – Туан падает на колени. Прямо в мокрую траву и грязь. Перед нами.

Я отшатываюсь, прижимаю руки к губам, а Габриэль, по-видимому, довольный произведённым впечатлением, улыбается ещё слаще.

– Твой Властелин будет очень недоволен, когда ты явишься к нему с пустыми руками.

Туан вздрагивает и, так и не встав с колен, отчаянно шепчет:

– Не надо, прошу вас!..

– Габриэль, – начинаю я, но демон повторяет то движение рукой, только на этот раз резче, и Туан исчезает. Ни портала, ни других спецэффектов – просто: был, и уже нет.

– Габриэль, – тихо говорю я. – Зачем... Господи... Он же тебя видел. Когда я... мы вернёмся, он будет знать.

– Будет, – кивает демон. – И решит, что может до сих пор тобой управлять. Сама ты бы не сняла то заклинание подчинения, твоя крёстная могла его действие только приостановить, а духи с зельями, как известно, не в ладах, – он одаривает меня жуткой, жестокой улыбкой. – Будет забавно смотреть, как он попытается рассказать о тебе своему Властелину. Пытается и не может. Пожалуй, ради одного этого стоило оставить его жалкую, никчёмную жизнь. Как он будет биться в паутине, биться и не знать, как выбраться, а потом, когда поймёт, что выхода нет...

Ну всё, с меня хватит.

– Габи, дай знак, когда закончишь, – зеваю я, садясь на покосившуюся каменную скамью. Холодно, но я устала – жуть!

Демон замолкает и удивлённо смотрит на меня.

– Ты знаешь, что я могу сделать то же и с тобой, фея?

– Ага, – зеваю я.

– И тебе совсем не страшно?

– Не-а.

Габриэль смотрит на меня мгновение, потом смеётся. Громко и с чувством. На кладбище. Постыдился бы!

Впрочем, чего уж... Я тянусь к сумке, так и забытой на дорожке между могилами, достаю оттуда термос, наливаю кофе себе, отпиваю (уф, горячее!) и протягиваю всё ещё смеющемуся демону.

– Будешь? А то холодно.

Минутная пауза...

– Вот за это я тебя и люблю, фея, – улыбаясь, сообщает Габриэль, забирая у меня кружку и выпивая залпом. – Ты права. Холодно. И я устал, – он превращается в кота, а кружка падает на землю. – Идём домой.

Я завинчиваю термос, приминаю траву в пакете, чтобы не топорщилась. Подбираю кружку.

– Пошли.

– Эй! – недовольно фырчит кот, когда я отхожу на пару метров. – А ну наклонись, я на тебе поеду!

– Лапы сначала помой.

– Фея!

Всё заканчивается, конечно, тем, что я снова сажусь на скамейку, достаю влажные салфетки, вытираю фырчащему коту лапы и только потом сажаю его себе на плечо.

– А будешь возмущаться, ещё и в дождевик заверну.

– Ты купила мне дождевик? – изумляется кот.

– И сапожки. – Ну, просто они были милые, и потом, у меня в Зоомагазине глаза разбежались. Странно, что не купила ещё и когтеточку. – Завернуть?

Габриэль не отвечает. И странно тихий так и едет на моём плече до самого дома – сначала в такси, потом на метро.

Всё-таки демоны удивительны.

Когда я добираюсь домой, уже полночь. Аккуратно прокрадываюсь в свою комнату, спускаю вроде бы спящего Габриэля на кровать, потом на цыпочках иду на кухню – сделать себе хоть какой-нибудь бутерброд, а то с этим кладбищем я даже не поужинала...

На кухне горит свет. Папа сидит, подперев кулаком щёку, и так внимательно смотрит в свою чашку с кофе, словно научился гадать по гуще и видит в ней моё будущее. Судя по папиному выражению лица, будущее это не радужно.

– Жабёнок, ты не могла бы убрать своё сено из ванной?

– А... – Я уже забыла, куда бросила пакет с крапивой. Ну да, он же был мокрый, вот и отнесла в ванную. – Да, конечно.

– И грязь с пола в прихожей тоже убери, хорошо? Ты, вдобавок, наследила по всему коридору. И вот ещё... Я никак не пойму, у нас живёт дома кот или нет?

– Э-э-э... Ну...

Папа наливает кофе и мне, молча кивает на свободный стул. Я сажусь.

– Пап, это не кот, это демон. И-извини, что не сказала. Сразу.

– Да, стоило бы. – Папа, как волшебник, достаёт из холодильника сэндвич из «Subway». – Вот, и тебе купил. Ты же, конечно, нормально не обедала?

Я молча вздыхаю. У папы на работе очередной аврал, в такие моменты я раньше обедала в школьной столовой, а на ужин папа что-нибудь приносил. Сейчас в школу я не хожу, а готовить, каюсь, не умею.

– Без оливок, не волнуйся, – добавляет папа.

Сэндвич отправляется в микроволновку, я нетерпеливо дую на кофе, а папа снова садится и внимательно смотрит на меня.

– Этот демон – один из твоих поклонников? Он не хочет со мной познакомиться?

– М-м-м, нет, пап. Он очень... э-э-э... нелюдимый демон. И он не мой поклонник.

– Тогда что он делает у нас дома?

– М-м-м, пап, понимаешь... Он помогает мне вернуться к Дамиану... Помнишь, я рассказывала? Чтобы всё исправить. Вот.

– У тебя договор с этим демоном? Ты его кровью подписывала? – резко спрашивает папа, пронзая меня взглядом. – И что взамен отдала?

– Нет! Какой кровью, пап, ты что! Ну да, договор, но просто... Понимаешь, ему скучно, вот он и... развлекается...

– За твой счёт?

– Ну... Получается, что так.

Пикает микроволновка – я иду доставать свой сэндвич, а папа отхлёбывает кофе.

– Виола, я понимаю, что ты уже взрослая... Но если что... Будь уверена, никакой демон, если с тобой что-нибудь случится, меня не остановит. Понимаешь? И... развлекайся с умом, хорошо? Тёмные Властелины – это не игрушки.

– Ага...

Минуту мы сидим в тяжёлом молчании, потом папа спохватывается.

– На случай, если ты вдруг исчезнешь... Не то, чтобы я это одобрял, но предупреди меня обязательно или хотя бы записку оставь... И это возьми. Вот.

Я смотрю, как он, точно сам волшебник, раскладывает передо мной будто из воздуха появившиеся предметы самообороны: от перцового спрея до электрошокера в розовом маленьком футляре. И даже дамского пистолета...

– Пап...

– Возьми. Носи с собой в сумке обязательно, – наставляет папа. – В Мордор с пустыми руками не ходят. Не бери пример с Фродо, он плохо кончил, сама знаешь, если бы не рояль в кустах с орлами...

– Спасибо, пап. – Всё равно бесполезно спорить. Не говорить же, что я не умею пользоваться электрошокером да и стреляю плохо.

Папа заметно расслабляется, но всё ещё не спускает с меня взгляда.

– И ещё, Жабёнок... Ты плохо поступила с этим мальчиком... Дамианом, да? Но ты не обязана спасать тот мир от их Властелина. Понимаешь? В том мире найдутся свои герои, а не мой Жабёнок, который даже драться не умеет!..

– Пап, я справлюсь.

Он громко фыркает, но кивает.

– Не сомневаюсь. Но пообещай быть осторожной. Пожалуйста, Виола.

Я обещаю, и папа снова кивает.

– А своему демону скажи, чтобы мыл лапы и заканчивал есть мой творог. Творог утром – это святое, а я уже второй день остаюсь без этого «святого». Пусть сам сходит за покупками, раз уж живёт у нас. Нет, я, конечно не против... Хотя знаешь, Жабёнок, в следующий раз предупреждай, особенно, если захочешь поселить у нас дома оборотня или вампира. Я закажу осиновый кол и серебряные пули. Между прочим, где ты была с этим демоном так поздно? На шабаше?

– Нет, пап, какой шабаш!.. На кладбище.

– А, ну ладно. На шабаш я тебе ходить запрещаю, ты ещё маленькая...

– Пап!

– Не спорь, Жабёнок, ты ни разу не была на шабаше, ты не знаешь, о чём говоришь. А это сено в ванной с кладбища?

– Да...

– Вымой его хорошенько. И когда будешь варить зелье, возьми старую кастрюлю, а не самую блестящую и красивую.

– Пап...

– Да, Виола, да. Твоя мама всегда брала самую новую посуду для своих... экспериментов, а потом забывала её помыть. Ты не забудь!

Я доедаю сэндвич, слушаю и думаю, что папа волнуется. Он редко даёт советы, ещё с тех пор, когда мне было одиннадцать – когда мы поссорились из-за одежды. Я не хотела носить стильные вещи из дорогих бутиков, потому что никто в моей школе их не носил – знаю, это было глупо, но я до сих пор одеваюсь, как... Как мои одноклассники. Не как моя сестра. Та бы от брендового платья никогда бы не отказалась...

Ох, надеюсь, у Роз там всё в порядке...

Папа целует меня в щёку на ночь. Повторяет, чтобы не забыла помыть пол в прихожей и коридоре, а утром я нахожу на кухонном столе самую большую и самую старую из наших кастрюль с запиской: «Вари в ней».

– Вот и вари, – бросает Габриэль, крутятся у плиты.

С ума сойти, он готовит сырники! Не из папиного творога, я убедилась. Но вот ведь жук, не даёт мне попробовать ни одного, все кладёт в пластиковый герметичный контейнер, пишет что-то на нём фломастером и куда-то отправляет взглядом. Подозреваю, папе на работу. Но как он узнал, что папа обожает сырники? И почему его это вдруг так тронуло? Да так, что Габриэль сам встал за плиту...

Говорю же, демоны удивительны.

Я тем временем промываю крапиву – не ту, что собрала сама (потому что самой крапивы там оказалось с гулькинос, а всё больше какого-то другого... сена), а ту, с которой «помог» Туан. Чикаю её ножницами (Габриэль оборачивается и морщится: «Серебряными надо...»), складываю в кастрюлю, оттираю демона от плиты (всё равно он уже закончил с сырниками), ставлю на конфорку и кручу регулятор температуры до максимума. Закипеть должна? Вот и пусть кипит.

Габриэль ворчит: и вода, оказывается, должна быть родниковой, и огонь – открытым...

– Да какая разница! – отмахиваюсь я. – Ты же сам сказал: должна вариться в кипящей воде. Разве так уж важно, как эта вода закипит?

Габриэль переводит взгляд с кастрюли на меня и морщится ещё сильнее.

– У тебя должен быть низший балл за зельеварение.

– У меня никакого балла нет, за меня ты домашнее делал, – зеваю я, садясь рядом с ним на свободный стул. – Ой, ну ладно тебе, Габи, не смотри на меня так. Представь: я и зелья? Да, я просила Дамиана и тебя мне помочь. Но не моё это – у котла крутиться!.. Какие-то зелья варить. Фе!

Габриэль исподлобья бросает на меня последний взгляд и отворачивается.

– Ты представить себе не можешь, фея, какое это искушение: заколдовать тебя так, чтобы от «крутиться у котла» зависела твоя жизнь.

– А зачем?

Он усмехается.

– Благодарность тобой не ценима, принцесса, не так ли?

– Почему? Я благодарна и тебе, и Дамиану, правда, за то, что вы мне помогали...

– Слова, – снова усмехается Габриэль. – Слова произносить легко. Ты не ценишь помощь. Ты не ценишь чужое умение, если не понимаешь его.

– Неужели?

– Именно. Вот твой отец готовит, а когда ты последний раз его хвалила? Была благодарна?

– Э-э-э... Ну, я говорю «спасибо», когда встаю из-за стола...

– Пустая форма вежливости. Или – твой демонолог преуспел в Тёмных искусствах как никто, а всё, что ты смогла ему сказать: «Уберись в своей комнате, мне противно».

– Но, Габриэль, у него же там ужас что творилось!..

– А что ты умеешь так же хорошо, как он? – неожиданно спрашивает Габриэль, и я замолкаю.

Вопрос ставит меня в тупик. Я умею... Я умею ехидно говорить людям, что они больны стереотипами. Умею не показывать вид, когда меня задела. Умею вместе с Роз разыгрывать её иноземных поклонников. Ещё я умею...

Ничего. Ничего, что стоило бы упомянуть.

Проходит минута, две, и я нахожусь:

– Но не всем же быть исключительными!

– Уж конечно, не тебе, – фыркает демон. – И иметь наглость смеяться над теми, кто лучше тебя.

– Я не!..

– Твоя крапива кипит.

Габриэлю всегда удавалось меня пристыдить...

Я встаю, убавляю огонь, смотрю, как сначала зелёным, потом коричневым пузырится вода.

– Добавь прядь своих волос, пока совсем не выкипела, – подсказывает демон.

Я снова берусь за ножницы.

– О, бездна! – с мукой в голосе выдыхает Габриэль, отбирает у меня ножницы и сам срезаёт локон моих волос маленьким серебряным кинжалом. Бросает в воду. Задумчиво смотрит на коричневые пузыри.

– Мне же не придётся потом это пить? – шепчу я. Получается робко и жалко. Ну да, это же зелье – конечно придётся...

– Нет. У тебя фиалка есть, фея?

– А... Сейчас.

У меня остался веночек – от мамы. Она, когда воспитательную беседу со мной приводила, то сначала передела и веночек на голову нахлобучила. Наверное, чтобы ещё сильнее фею напоминала. Или какая-то сакральная сила в этих фиалках? Домой я с ними и вернулась.

Я приношу веночек, Габриэль отщипывает пару цветков (вечные, не вянут, хотя уж сколько дней прошло) и кидает в кастрюлю. Вода немедленно начинает пахнуть, как будто в неё пролили флакончик с духами. Странно, от двух фиалок?..

– Хорошо, – бормочет Габриэль. – Крови не нужно, Властелин её вмиг почует...

– Кровь? – выдыхаю я. Он что, хотел мне запястье взрезать?

Габриэль оборачивается, хмурясь, смотрит на меня.

– У тебя не осталось ничего от твоего прошлого облика? Лягушачья кожа, волосы или...

– Лягушачья кожа? Ты издеваешься?!

Габриэль молча смотрит на меня, и я «бегу посмотреть». Волосы могли остаться. Они были жёсткими и при каждом расчёсывании выдирались буквально клоками. А у меня была расчёска-массажка, с которой их фиг снимешь... Где-то точно была...

Через полчаса зелье почему-то синеет, потом чернеет, и Габриэль объявляет, что оно готово.

– И? – осторожно интересуюсь я. – Ты говорил, его не надо пить...

– Опusti в него руку.

– А? Габи, мы его только что с плиты сняли!

– Опускай.

– Я сварюсь!

– Опускай.

Я только смотрю на кастрюлю, а мне уже больно.

– Но если, конечно, ты хочешь навсегда остаться здесь, – добавляет демон, – то можешь ничего не делать. Твой отец прав: в нашем мире найдётся герой, который убьёт твоего демона...

Я не дослушиваю. Я рывком опускаю в кастрюлю руку, правую, и изумлённо выдыхаю. Недавно кипящее зелье холодное, как вода летом в ручье. Приятно холодная. И обволакивает руку – именно обволакивает, хотя вроде бы вода-то не должна – как резина... Как медицинская перчатка.

– Доставай, – командует демон.

Я вытаскиваю руку – она действительно в перчатке. Тёмно-коричневой, плотно облегающей, удобной, но... И что? Зачем это?

– Зачем? – повторяю я вслед за своими мыслями, и мой голос звучит странно... Хрипло. Низко. – Габриэль?

Демон с улыбкой рассматривает меня.

– Отлично.

– Что отлично? Что... Что с моим голосом?!

Габриэль улыбается, а я кашляю, прочищаю горло, а потом случайно опускаю взгляд. Ух ты, моя грудь снова исчезла. При том, что я её вообще-то чувствую. И свободная рука... какая-то не моя на вид. Больше. Грубее. Словно не...

– Габриэль, что ты со мной сделал?!

– Посмотри в зеркало, – не прекращая улыбаться, отвечает демон.

Сломав голову, я бегу к большому зеркалу в прихожей. Останавливаюсь, почти столкнувшись нос к носу с отражением. Просто я его не узнала. Просто это снова не...

Мамочки!

– Габриэль! – Ух ты, даже жабой я не выдавала такой ультразвук. – Га... бри...

Договорить не удаётся: я оглядываю новую... э-э-э... новую себя с ног до головы и обмираю. Голос просто отнимается. Ха, а раньше я думала, метаморфозами внешности меня уже не удивишь – после жабы-то! Но этот демон буквально раздвигает мои границы возможного. Ой, да что там! Габриэль только что эти границы прямо-таки пнул!

– Виола, ты же понимаешь, что если просто вернёшься к своему демонологу, он в лучшем случае снова запрет тебя в темнице. А в худшем – в пыточной, что он, скорее всего, и сделает, – Габриль тоже появляется в отражении. – Конечно, ты должна изменить внешность.

– Н-но... Но...

– Моя милая фея, – улыбается демон. – Мы заключили договор, позволь тебе о нём ещё раз напомнить. Ты обещала слушаться меня. Лучший способ вернуться к твоему Дамиану – это самой притвориться демонологом. Милая, это же очевидно.

– Но!..

– А большинство демонологов – мужчины, и это нам очень удобно, потому что представить, что ты настолько кардинально изменила внешность, Властелин не сможет. И тем более не вообразит, что тебе знакомо это древнее заклинание. И да, на женщину твой Дамиан сейчас даже не посмотрит, а ты ведь хочешь пробиться к нему, втереться в доверие, не так ли, милая принцесса?

– И поэтому ты превратил меня в парня?! – кричу я, а неказистый парнишка в зеркале... то есть, я... тут же заливается краской. В ярко-зелёном домашнем халате с бантиками этот худощавый бледный подросток смотрится... Боже мой, верните лучше меня жабу! – И сколько?... Как долго?..

– Как только ты снимешь перчатку, всё вернётся.

Я срываю перчатку, и моё отражение в зеркале меняется. Точно калейдоскоп. Красавица-фея хлопает громадными синими глазами, сжимая в руке коричневую, съжившуюся перчатку, точно снятую с кого-то кожу...

– Надень – и снова изменишься, – добавляет Габриэль.

Надевать я не спешу. Я вдыхаю, выдыхаю, более-менее успокаиваюсь и говорю:

– Габриль, погоди. Послушай. Это ведь иллюзия? Моя... м-м-м... грудь никуда не исчезла и длинные волосы я чувствовала, – ещё бы, я же на них встала! – Если это иллюзия, она, наверное, не будет долго держаться, а Дамиан, ну, он хороший маг, он всё поймёт...

– Он не поймёт, пока ты не снимешь перчатку. Это древняя магия, Виола. Ты будешь самым настоящим юношей... Если конечно, научишься себя соответствующе держать.

Ха. Это, интересно, как?

– А... Но послушай, допустим, Дамиан меня не узнает, но что я не демонолог он поймёт в два счёта, я же не... Я колдовать не умею и в Астрале была только пару раз и то на экскурсии в личные... эти... рукава? Карманы? Миры, короче.

– Да, – демон зевает и сонно щурится. Кажется, ему снова скучно. Нет, скучно ему! – Для магии у тебя есть я. Твой Дамиан бросит всё, чтобы узнать, как ты приручила высшего демона, уж поверь, Виола. От этого даже демонолог с сердцем не откажется, не то что Тёмный Властелин.

– Но я тебя не приру...

– Я притворюсь. Как видишь, нам двоим придётся играть свои роли.

– Да, но тебе-то это нравится!

– Повиноваться глупой фее? О да, предел моих мечтаний. Но это хотя бы обещает быть весёлым...

– Габриэль, признайся, ты просто прочитал «Двенадцатую ночь» Шекспира и тебе понравилось?

Габриэль впервые за сегодня улыбается по-настоящему – весело и открыто.

– О да...

Так и знала, что нельзя пускать его к моему книжному шкафу. Хорошо хоть до Стивена Кинга не добрался...

Я надеваю перчатку и поворачиваюсь к зеркалу. Глаза б мои на это не глядели!

– Да у меня даже мужской одежды такого размера нет! Это хлюпик какой-то! Его что, не кормят?

– Это ты, Виола, – посмеивается демон. – Отражение тебя. Какой ты бы была, родись мальчиком.

– Какое счастье, что я девочка!

– Согласен, – Габриэль тоже рассматривает обновлённую меня. – Но для демонолога – в самый раз. Обычно они не занимаются на плацу, а день-деньской сидят в своей лаборатории. Твой Дамиан, конечно, исключение, но он сын короля... А одежду я тебе достану, не переживай. Но вот осанка... И походка... И выражение лица придётся потренировать.

Я вдыхаю. Выдыхаю. Поворачиваюсь к демону и пытаюсь умильно улыбнуться.

– Поможешь?

На «тренировку» мы тратим ещё неделю. За это время Габриэль осваивает компьютер, и однажды я застаю его за игрой в нового «Ведьмака». Бесполезно просить, чтобы не трогал, что это папин, что...

– Сохранись потом под другим пользователем, ладно? – только и говорю я и иду дальше штудировать учебники по демонологии. Габриэль мне уж конечно поможет с магией, но что-то я не хочу быть воплощением недоросля из Фонвизина, когда Дамиан, например, задаст мне простейший вопрос. Вроде: «А как ты любишь входить в Астрал?» С меня станется ляпнуть, что подпрыгивая на одной ножке и распевая «Du hast». В общем, хотя бы азы знать стоит.

Но немного обидно, конечно, читать «Демонологию для чайников».

Папа проникается к Габриэлю искренней симпатией. Сырники тогда действительно были своеобразным извинением за «украденный» творог, а уж когда Габриэль слышит (а он слышит, я знаю, он подслушивает, хоть на кухне его в это время и нет), что такую вкуснятину папа не ел даже у своей мамы, Габи начинает готовить и сырники, и блинчики, и пончики, и что-то ещё в этом роде каждый день. Мне не даёт, всё отправляет папе.

Доброе слово, как говорится, и демону приятно.

Спустя неделю Габриэль устраивает мне экзамен по «Демонологии...». Остаётся доволен и объявляет меня готовой. А заодно, словно мимоходом, замечает:

– Отлично, завтра как раз Прозрачная ночь.

– Прозрачная?

– Астрал соприкасается с миром живых. Властелин будет праздновать – очень удобно прийти к нему как будто по приглашению.

– Но он меня не приглашал!

– Там будет много Тёмных, – пожимает плечами Габриэль. – Никто не заметит присутствие ещё одного. Главное, высокомерие и надменность. Ты подчинила демона, этого никому ещё не удавалось. Гордись и наслаждайся властью.

– Ага, наслаждайся...

– Виола, обещаю подыгрывать. Я же клялся, как и ты. – Габриэль ловит мой взгляд. – Ты боишься?

– Я... Я не знаю. Дамиан, конечно, никогда не сможет причинить мне вред...

– Ошибаешься.

– Нет, это ты ошибаешься! Он послал за мной. Без сердца, но он всё равно послал за мной своего... Туана. Я нужна ему!

– Да, нужна, – кивает Габриэль. – У него в груди сейчас дыра, Виола, которую только ты можешь заполнить.

– Вот видишь!..

– В качестве жертвы. Твоё сердце, Виола, ему нужна не ты, а только твоё сердце. Не помню, какой по счёту Властелин до этого додумался, но если съесть сердце возлюбленной, голод бездны будет на время утолён.

Ужас какой, даже представлять не хочу!

– Дамиан никогда!..

– Глупая фея, – смеётся Габриэль. – Ты очень удивишься, когда вернёшься. Представь: твой «Дамиан, никогда» будет мучить и убивать невинных людей, приносить их в жертву и смеяться над их страданиями. Подумай, феечка, вдруг ты всё-таки хочешь остаться? Твоя нежная душа может этого не выдержать.

Я молча смотрю в зеркало, перед которым только что строила из себя парня. Я сейчас и есть парень – перчатка у меня на руке. Тощий, бледный парень с огромными нежными глазами (единственное красивое, что есть в моём новом облике) и чертами лица настолько кривыми, точно скульптор сильно выпил, когда вырезал их.

Дамиан превратил брата, которого любил (я знаю, любил по-настоящему) в камень. Поставил статуей в саду. Забрал его королевство. И Туан, самоуверенный, гордый Туан очень боялся возвращаться к своему господину, не выполнив приказ.

Габриэль прав: я не хочу видеть Дамиана таким.

– Ну что, принцесса, остаёшься? – подначивает демон.

– Нет. Я верну ему сердце! Пусть... Пусть я всё это увижу, но я буду знать, что виновата я, а не он. Я его таким сделала. Я...

– Тогда тебе будет ещё тяжелее. – Габриэль мгновение заглядывает мне в глаза. – Что ж. Придумай что-нибудь горделивое и надменное до завтра. Я не дам тебе забыться, конечно, но... Подготовься.

Раньше у Габриэля не было привычки меня жалеть... Разве что ещё когда он был моим рыцарем... И причина тогда была стоящая. Сейчас наверняка тоже, и от этого мне только хуже.

Страшно.

Я не сплю всю ночь, волнуясь, что мне, вообще-то, несвойственно. Забываюсь только под утро и конечно, вижу во сне Дамиана. Он сидит, сжавшись, у камина, на полу огромного тёмного зала. Дамиан дрожит, ему холодно. И он никак не может согреться.

– Я иду, – шепчу, проснувшись. – Прости меня! Я всё исправлю. Ты только меня дождись!

– Сентиментальная чепуха, – зевает рыжий кот, растянувшись на одеяле у меня под боком. – Спи, фея, мы вечером уходим.

До вечера я сочиняю папе записку и читаю второй том «Демонологии для чайников». У меня дрожат руки. Я боюсь. Я очень боюсь.

Когда в дверь неожиданно звонят, я вздрагиваю и бегом бросаюсь открывать. Ну кто ещё?! Или папа? С ним что-то случилось?

Расстроенная, я могу придумать себе такие ужасы, так себя накрутить!..

Но на пороге стоит всего лишь Он – Артур из моего класса. Видит меня, удивлённо моргает.

– А... Я, кажется, ошибся дверью. Я думал, – и называет мою фамилию, – здесь живёт.

– Ошибся. – Я в перчатке, неудивительно, что он меня не узнал. Ха, можно подумать без перчатки было бы лучше!

– А не знаешь, где?..

– Не знаю.

И захлопываю дверь у него под носом. Ещё весточки из школы мне не хватало! Нет уж, не сейчас.

А интересно, когда папе донесут, что в его квартире околачивается угрюмый парень, он что подумает? Наверное, что это тот самый нелюдимер демон с сырниками?

На всякий случай делаю приписку в папино письмо, чтобы не удивлялся... Ну, если что. И бегу на кухню заесть стресс. Ох, я волнуюсь, и «Демонология...» мне больше не помогает!

– Я бы на твоём месте воздержался, – говорит Габриэль, заходя на кухню как раз в тот момент, когда я опустошаю холодильник. – Мы идём на Прозрачную ночь. Вывернет с непривычки.

– И тебе приятного аппетита.

Габриэль смотрит на меня, потом на стол.

– Хотя бы подожди, я приготовлю что-нибудь... не такое ядовитое.

Не думаю, что бутерброды с майонезом ядовиты, но да, нечто, похожее на пасту с томатным соусом куда вкуснее.

– Спасибо. И это не пустое слово, Габриэль, я правда...

– Я слышу.

За окном по-осеннему рано садится солнце, на пару минут окрашивая алым неприветливые серые облака.

– Не волнуйся, фея, – неожиданно говорит Габриэль, и я оборачиваюсь. Он тоже смотрит на небо. – Я не дам тебя в обиду. Не бойся.

Я глотаю вызывающее: «Потому что тебе скучно?» и резкое «Без тебя справлюсь». И лишь тихо повторяю:

– Спасибо.

– А вот это уже от сердца, – ехидно замечает в ответ Габриэль, и я улыбаюсь.

Демон... От такой демон! И словно так и должно быть, я тянусь, нахожу его руку под столом и крепко сжимаю. А Габриэль не отодвигается, не фырчит, не... Он просто молча смотрит на закат. Вместе со мной.

Глава 2

В которой я возвращаюсь в Сиерну и встречаюсь с Тёмным Властелином

Мой папа очень любит «Властелин колец». Причём, он из тех толкинистов, которые одобряют Средиземье Джексона, особенно третий его фильм – «Возвращение короля», особенно в переводе Гоблина. Поэтому дома в папиной комнате каждая стена представляет собой иллюминацию Средиземья. В «спящем режиме» картинки просто сменяют друг друга: Хоббитон, Ривенделл, Лориэн и другие красивые места со странными названиями, включая Мордор. Последний меня особенно веселит: зайдёшь так к папе поздним вечером в комнату, а у него только ночник горит, и по стенам назгулы летают. Да огромный глаз на башне подмигивает. Красота! Ещё, если найти пульт (который папа вечно теряет) можно включить у этой прелести звук. Птицы петь начинают, листва шепчет, кто-то что-то говорит на эльфийском «за кадром», музыка... Так вот, на Мордор всегда играет «Rammstein». Орудруин, скажу я вам, особенно красиво взрывается под тяжёлый рок. С таким... м-м-м... пафосом, с таким ритмом!

И вот стою я сейчас на холме у столицы Сиерны, оглядываюсь... И чувствую, что для полной гармонии этому пейзажу только «Rammstein» и не хватает. На полную мощность и со всеми басами. Ну и вздыхающего дымом вулкана вдалеке – потому что всё остальное уже имеется. Серьёзно, картинка – вылитый Мордор, полный эффект присутствия. Выжженная земля под ногами – там, где ещё месяц назад цвели и дышали жизнью ромашковые луга. Запах пепла в воздухе – от трещин, я полагаю. Обочины дороги, словно вскрытые вены, полны не то алой кипящей воды, не то лавы. И пар от неё поднимается как-то странно – не облаком, а струйками, точно дым от свеч.

И столица невдалеке, чёрная, как головёшка, в центре которой торчит башня с рогами, на которых только глаза и не хватает. И над всем этим вьётся туманом нечто... призраки... или скорее духи – везде, над каждым домом, над каждой улицей. Их хорошо видно, потому что все фонари горят, но тоже не как раньше – уютно и приглашающе, а наоборот – зло, жестоко, словно выискивают лазутчика, словно и в них тоже заточён дух. Злобный дух.

В довершении на закрытом тучами небе то и дело полыхают молнии... Разве что назгулы не носятся, но я уже чувствую себя, как Фродо – хочется сжаться, спрятаться за камень, закрыть глаза и представить, что я дома.

А ещё хочется поверить, что это не Сиерна, и мы просто заблудились. Ну не может цветущий город превратиться за месяц... в это!

– А он времени зря не терял, – задумчиво говорит Габриэль у меня за спиной. – Кажется, твой демонолог будет первым в истории Властелином, завоевавшим мир в первые же два месяца...

Я вздрагиваю, оборачиваюсь и непривычно, «не своим» писклявым голосом тихонько прошу:

– Габи, а давай попробуем снова? Ты меня куда-то не туда привёл. Может, твой портал не там открылся, а?

Габриэль, неожиданно величественный на фоне молний и дышащих дымом трещин (впрочем, этот демон обладает удивительной способностью подстраиваться под любой интерьер в режиме «я-стенка»), улыбается мне – зло и грустно одновременно. Ну вылитый врубелевский демон!

– Ну что ты, фея, мои порталы всегда открываются там, где и должны. Мы на месте, и уж поверь мне, принцесса, это действительно Сиерна. Но если ты хочешь вернуться...

Я отворачиваюсь, снова смотрю на город внизу и выдыхаю машинально:

– Твою, хм-хм! Ладно, Габи, пойдём... пойдём уже куда-нибудь.

– Ну конечно, мой господин, – смеётся демон и под локоток отводит меня к дороге. Ой, по-моему в канаве всё-таки течёт лава... Жарко-то как!

– А нас...кхе-кхе. – Кажется, этот дым ядовитый! – А нас пустят... кхе-кхе... в город?

– Платок поднимите, – спокойно советует Габриэль. – Шейный, господин! – Тут же шипит он, когда я лезу в карманы брюк. – Да, и нос им закройте.

– Я теперь наверняка похожа на разбойника с большой дороги.

– Вы похожи на демонолога, – бросает Габриэль. – Как и должны. И побольше властности! Вы же демона подчинили!

Ответить я не успеваю – мы оказываемся у ворот, и земля под ногами вздрагивает, а ближайший валун разворачивается, зевает во всю пасть, звенит цепью...

– Какой кошмар! – шепчу я. Кто бы это ни создал, вдохновлялся он явно Цербером, разве что тот, говорят, был крупнее. Но ужас и трепет я уже чувствую!

«Властность!» – звенит в голове голос Габриэля, и демон толкает меня вперёд. Прямо на Цербера. Со стороны, наверное, кажется, что я споткнулась... лся... и мой, хм, прирученный демон мне помог. На деле я пробегаю шагов пять и оказываюсь лицом к морде с этой... этим... чудовищем... Ой, я погорячилась насчёт того, что Цербер покрупнее... Оно встаёт и вытягивает змеиную шею... И вытягивает... Вытягивает... Да когда он, наконец, целиком встанет?!

– Испугался, малыш? – дружелюбно говорит кто-то слева от меня, и я подпрыгиваю от испуга.

Испугалась? Да у меня сердце в пятки ушло!

– Не бойся, это всего лишь демон, – говорит парень, весь в чёрном: бархат и кожа. И серебряная не то брошь, не то значок над сердцем. Я не успеваю её рассмотреть, парень поворачивается к Церберу и делает резкий знак рукой – «Уйди!».

Цербер сворачивается обратно. Медленно. Шелеса чешуёй и скрежеща когтями по камню. Звук мерзкий.

– А ты кто, малыш? – с прежним дружелюбием интересуется парень, снова глядя на меня. – И кто это с тобой? Неужели дух?..

«Виола, если ты сейчас ничего не сделаешь, я его убью!» – шипит у меня в голове Габриэль. – «Как ты себя держишь? Демонолог, который боится низшего духа?!»

– А-а-м-м, – мямлю я. Рука Габриэля, сжимающая моё плечо, нагревается – я чувствую её жар даже сквозь ткань. А ведь убьёт, с него станется.

Я встречаюсь взглядом с парнем в чёрном, кусаю щёку изнутри – сосредоточься! И на меня вдруг накатывает такая злость, такая!.. Чёрт возьми, мой Дамиан превратился в монстра, довёл до состояния бездны свой дом, а какой-то... привратник смеет называть меня «малышом»?!

– Габриэль – мой демон, – холодным (снова «не своим») голосом говорю я, подходя к парню вплотную и заглядывая ему в глаза. Он выше, но от моего взгляда опускает плечи, подаётся назад и словно становится меньше.

– Демон?

– Габриэль, – продолжаю я, не обращая внимания на удивлённый вздох. – Покажи этому... Этому, как надо ко мне обращаться.

– С удовольствием, господин.

Через минуту ворота передо мной гостеприимно распахиваются. С одной стороны над ними висит напугавшее меня чудовище, почему-то уменьшившееся раза в три; а с другой – тот самый привратник, без сознания.

Довольный Габриэль отряхивает полу плаща и кланяется.

– Прошу вас, господин.

«Твою!..» – кричу я про себя, а вслух говорю только всё тем же холодным голосом:
– Прекрасно, Габриэль.

И, не глядя (потому что я не могу на это спокойно смотреть!), чеканя шаг, прохожу ворота.

«*Умеешь, когда хочешь*», – усмехается в моей голове Габриэль.

«*А ну кыш из моих мыслей!*»

«*Что вы, господин, я не могу этого сделать, ведь иначе вы останетесь без присмотра и снова начнёте мямлить и шарахаться от каждого духа*».

«*А обязательно было... Обязательно... Они хоть живы?!*» – взрываюсь я.

«*Живы, фея, не волнуйся. Я помню, что ты не любишь убийства*».

Дальше мы идём молча.

Улицы пусты. То есть пусты совершенно: никого, даже псов бездомных нет! Раньше их подкармливали, я помню, Ромион хвастался, что даже какую-то службу для этого учредил, деньги выделил. Сейчас ни псов, ни службы. Зато, чем ближе мы ко дворцу, на тротуарах и по обочинам дороги появляются странные статуи. Каменные кошки. Каменные птицы. Каменные мыши. И да, собаки – тоже каменные. И все в таких позах, словно пытались убежать, а их догнали и...

– Габриэль? – тихо спрашиваю я вслух, потому что от волнения забыла, что мы теперь мысленно общаемся. – Это... Это Дамиан их?..

– Этих? – тоже тихо отвечает Габриэль. – Нет, конечно. Не настолько измельчал ещё Властелин, чтобы на птичек нападать. А вон тех – да, он.

«Вон те», – отряд стражников Ромиона, один из них подвозил меня когда-то к мужскому школьному общежитию. Все они очень живописно расставлены на площади вокруг пересохшего фонтана.

– Господи, – шепчу я, и в голове тут же раздаётся требовательное:

«*Идём, Виола. Мы привлекаем слишком много внимания*».

Как бы расстроена я ни была, абсурд его слов меня злит.

«*Чьё внимание, здесь только статуи!*»

«*Это тебе так кажется. Вокруг целая армия духов, и они наверняка уже донесли о тебе своему господину. Идём, если не хочешь встречать его здесь*».

«А я не хочу?»

Как по мне, что дворец, что эта площадь одинаково ужасны.

«*Нет, ты не хочешь*», – с нажимом повторяет Габриэль и толкает меня вперёд.

Наверное, он прав, и обо мне уже известно – ворота дворца ждут нас, распахнутые настежь. Но я всё равно спрашиваю, с опаской оглядываясь:

«*Габриэль, твоя работа?*»

«*Духи чувствуют во мне демона*», – отзывается тот.

«*Ты настолько страшный?*» – против воли удивляюсь я.

Габриэль в ответ только смеётся. Странно слышать его смех в моих мыслях...

А я краем глаза замечаю странный шест посреди круглой клумбы... э-э-э... некогда клумбы, поскольку сейчас на ней ничего не растёт. Ну, кроме разве что этого шеста. Толстого, длинного, с какой-то кляксой у основания.

Я оставляю Габриэля смеяться и иду к шесту. Но успеваю пройти разве что шагов пять, когда прямо из-под земли передо мной вырастает... Это человек, безусловно, но такой мелкий, такой... скользкий на вид, такой... неприятный. И пищит по-мышинному:

– Вы куда? Вы кто такие? Проходимцам здесь не место! А ну убирайтесь, или я духов на вас натравлю!

«И этот, что ли, демонолог?» – изумляюсь я, а вслух повторяю ту же штуку, что и у ворот:

– Габриэль? Кто... это?

– Это крыса, господин, – тоном английского дворецкого, объявляющего, что на завтрак снова овсянка, отвечает демон.

– Правда? Он не выглядит, как крыса, – тоном хозяина этого дворецкого продолжаю я.

– Сейчас будет, господин.

Мгновение спустя Габриэль безгласно протягивает мне за хвост извивающуюся мерзкую серую крысу.

– Прошу, господин.

– Что же ты наделал, Габриэль, – укоризненно говорю я, стараясь не смотреть на крысу. Уж насколько он человеком был противным... – Как же теперь это... Эта крыса покажет нам дорогу к Дами... Властелину? Немедленно преврати его обратно.

– Как скажете, господин, – отзывается Габриэль и со всей силы швыряет крысу оземь. Встаёт та уже человеком, и краше он от превращения не стал. Зато его манеры изменились кардинально!

– В-ваше... М-милорд! – блеет он, падая на колени и пытаясь взять меня за руку, поцеловать. – Г-господин, я же н-не знал, что в-вы...

– Чего он не знал, Габриэль? – Я пячусь к демону. – Он головой повредился?

– Нет, господин. Он так выказывает вам своё почтение. Вам пора бы привыкнуть.

Человек-крыса тут же умолкает и изумлённо переводит взгляд с меня на Габриэля.

– Ты смеешь сомневаться во мне, демон? – как можно небрежней бросаю я.

– Что вы, господин, конечно, нет. Прошу прощения, если вам так показалось, – елеинным голосом отзывается Габриэль. И тут же совсем другим тоном: – Ты! Вставай. Моего господина ждёт Властелин. Покажи дорогу.

– Д-да, милорд! – снова «включается» крыс. – К-конечно, господин! Сюда, Ваша Светлость!

На этот раз я даже не спрашиваю, обязательно ли было это представление. Но Габриэль всё равно добавляет: *«Да, Виола. Это теперь другой мир, играй по его правилам»*. Я знаю, что то, что он говорит – верно, но...

Ничего. Я изменю всё это. Я верну...

И жуткая мысль мелькает, как молния: «А есть ли ещё что возвращать?»

– Сюда, господин, – зовёт крыс, и Габриэль снова подхватывает меня под локоток. А я, наконец, вижу, что там за клякса, тень висит у шеста.

Туан. Голый по пояс, со спиной крест-накрест испещрённой открытыми ранами, прикован к шесту, висит на нём, закатив глаза.

– Чт-что это? – вырывается у меня.

– Это? – крыс сплёвывает и морщится. – Это раб, не выполнивший приказ нашего Повелителя. – И смотрит на меня, заглядывает в глаза: мол, ну как? Страшно? Если и ты не исполнишь, с тобой то же будет!

– Хотите, я его убью, господин? – встревает Габриэль. И снова так по-свойски, так обычно это говорит, что я невольно улыбаюсь и грустно спрашиваю:

– Кого из них?

– Можно обоих.

– Г-господин! – вскрикивает крыс и снова бросается передо мной на колени.

– Я хочу увидеть Властелина. Сейчас, – твёрдо говорю я. А про себя добавляю: «И сказать ему всё, что я о нём думаю».

И, конечно, Габриэль сразу же отзывается: *«Ты уже и так всё сказала, фея. Куда больше!»*

И он снова прав.

Мы идём по пустым и точно так же, как улицы, украшенным статуями коридорам. Кажется, у Дамиана появилось новое хобби – скульптура. Скоро сад камней заведёт...

Тишина и пустота невольно навевают мне мысли о театре Изабеллы. Точно так же эхом отдавались там мои шаги, точно так же мой провожатый пытался слиться с тенями... Неужели любовь к тишине и пустоте – общая для злодеев? Почему? Я же помню, как по этим же коридорам сновали слуги, придворные приветствовали Ромиона или пронзали взглядами Дамиана, юноши посылали мне обещающие взгляды... Ещё месяц назад здесь было солнечно, ярко и уютно, а сейчас... Зачем это Дамиану?

Когда мы оказываемся у танцевального павильона, я чуть не вскрикиваю от неожиданности. Музыка, больше похожая на похоронный вальс, нахлынув, погружает меня в серую безнадёгу и чёрную тоску. Я хватаюсь за сердце, перед глазами пляшут алые и чёрные пятна, которые чуть погодя превращаются в танцующие пары, такие же весёлые и довольные, как некогда на балу злодеев. Я отшатываюсь к выходу.

Габриэль шипит, хватая крыса за руку и довольно грубо втолковывает, что его господин желает видеть Властелина *сейчас же*, а не на балу танцевать.

Меня тем временем ловят за локоть. Мужчина в элегантном костюме из чёрного бархата с атласными вставками смотрит на меня и улыбается гнилыми зубами.

– А что это у тебя за дух, красавчик?

– Габриэль! – как можно спокойнее зову я, морщась от жуткого запаха гнили.

Алые глаза мужчины расширяются, а костлявая рука больно сжимает мой локоть.

– Это демон! Как? Как ты это сделал? Расскажи мне!

– Габриэль! – громче (и истеричнее) зову я.

– Говори, мальчишка!

– Господин, – Габриэль появляется за спиной мужчины и аккуратно, как дохлую мышь, поднимает его за воротник.

Сверкает яркая вспышка. Замолкает музыка. Пары останавливаются и смотрят на нас... на меня.

– Господин, – повторяет спокойный, как удав, Габриэль, подходя ко мне и беря за руку. – Я прошу прощения, но продумывая ваш костюм, я совсем забыл про запонки. Вы же не можете появиться перед Властелином без запонок, – чопорно добавляет он, скрепляя манжеты моей рубашки серебряными запонками с алмазными вставками.

«Ты превратил его в!..»

«Да, фея, – перебивает демон. – Так надо. И лучше продолжай играть, или я превращу в украшения всех в этом зале, включая слуг».

Это он меня так успокаивает. Душка Габриэль!

– Отлично, – я отважно окидываю взглядом зал, замечаю пустующий трон (Ромиона!), лежащую на подушке корону (не Ромиона). – Ну? Мне ещё долго ждать встречи с Властелином?

– С-сейчас, г-господин, – выныривает откуда-то из-под локтя Габриэля крыс. – П-пойдёмте.

– Господин, если этот человек вас утомляет, то в нём нет никакой необходимости, – говорит демон, когда мы торжественно идём через весь залитый светом сотен свечей зал. Перед нами расступаются, нас провожают взглядами, изумлёнными и испуганными. Особенно меня. – Дорогу могу показать вам и я, – заканчивает Габриэль.

– Конечно, – скучным тоном отвечаю я. – Можешь. Но это будет совсем не вежливо – ввалиться к Властелину вот так, не представившись. Для чего здесь ещё слуги? Пусть хотя бы объявят меня, как положено.

Габриэль тихо смеётся.

– Да, господин.

А дрожащий крыс немного приободряется. Он даже рискует, забрав у кого-то с подноса бокал, предложить мне вино.

– Мой господин это не пьёт, – цедит Габриэль.

– Я н-не знал, – лепечет крыс и чуть не бегом припускает дальше, по лестнице из зала наверх, к жилым покоям.

Дамиан занял комнаты брата, понимаю я, когда крыс приводит нас к кабинету Ромиона. Ну конечно, королевские покои наверняка самые удобные, а статус для Дамиана сейчас – всё. К тому же... он ведь теперь король.

Крыс скребётся в дверь, потом под взглядом Габриэля открывает её, тихонечко-тихонечко. И тут же отскакивает.

– А представить! – шипит Габриэль.

– Оставь его, – прошу я и перешагиваю порог.

В коротком коридорчике темно и так же всё заставлено книжными шкапами. Да, а я-то думала, что Дамиан везде поначертит свои любимые схемы да раскидает кровавые останки, как в своей комнате в общежитии. Нет, здесь так же чисто, как раньше. Только душно и очень темно.

Я иду дальше – в самом кабинете тоже ничего не изменилось. Точно так же горит камин. Так же завешаны тяжёлыми портьерами окна. Такой же массивный стол теряется в тени. Только кресла у камина пустуют, и я на мгновение теряюсь. Может быть, Дамиан в спальне? Одна из дверей кабинета наверняка ведёт в спальню: когда она была открыта в прошлый раз я мельком видела кровать. Да, сейчас же поздно, Дамиан скорее всего отдыхает... И что? Мне будить его? Или ввалиться так? Я же крутой маг, демона приручила... чил. Мне же море по колено.

Я оглядываюсь – Габриэль, прислонившись к стене, привычно изображает мебель. И смотрит куда-то мимо меня.

Я оборачиваюсь, и тут же тени у каминной решётки шевелятся, удлиняются, встают... Я прижимаю руку ко рту, давя не то вздох, не то крик. Это... это когда-то было Дамианом, когда-то в другой жизни, сейчас же оно не лучше чудовища у ворот, длинное, чешуйчатое, ужасное. Змеиная голова тянется ко мне, оцепеневшей, раздвоенный язык шелестит, касается моего подбородка, а ярко-жёлтые глаза с вертикальными зрачками смотрят холодно, оценивающе.

Я не знаю, зачем я это делаю. Наверное инстинктивное желание отгородиться – я поднимаю руку и касаюсь этой чешуйчатой мерзкой головы, одновременно отшатываясь. Голова холодная. Ледяная даже. Я отдёргиваю руку, отсупаю ещё на шаг – дальше некуда, дальше стена. И закрываю глаза. Как в детстве – когда очень страшно, но можно зажмуриться и представить, что ужаса нет, можно позвать папу...

Какая я была дура, раз думала, что эту мерзость, этот ужас можно исправить! Какая я была...

– Кто ты? – вдруг разрывает дрожащую тишину хриплый, но такой знакомый голос.

Я осторожно приоткрываю один глаз.

Дамиан, исхудавший, измождённый Дамиан в чёрной атласной пижаме босиком стоит рядом – только руку протяни. И смотрит на меня потерянно, тоскливо, устало.

– Кто ты? Я тебя знаю? Мне кажется, что да, – он подходит ещё ближе. И ещё.

Мы стоим вплотную, я слышу его дыхание, слышу, как бьётся моё сердце. Только моё.

– Я... Дамиан?

Он вздыхает и вдруг обнимает меня, крепко-крепко, со всей силы, так, что больно становится дышать. Я замираю, даже задерживаю от удивления дыхание, и чувствую, какой же Дамиан холодный. Нет, даже ледяной, хотя в комнате очень тепло, почти жарко. И душно.

– Эм... Властелин? Повелитель? Или как там тебя? Дами? – шепчу я, но он не отзывается. – Ты совсем замёрз. Пойдём... м-м-м... пойдём к огню.

Он послушно идёт, когда я подталкиваю его к камину, но так и не выпускает меня, наоборот, прижимается ещё крепче, особенно к открытой коже. И, кажется, теплеет.

Я усаживаю его на ковёр – точнее, мы садимся на ковёр, и если вспомнить, что я нынче парень, поза получается довольно двусмысленная. Но Дамиану, кажется, всё равно.

«Габри, что с ним?!»

«Я же говорил: в его груди сейчас бездна. Голодная. Он становится ещё злее, когда ты далеко, и эта злость его морозит», – отзывается демон. За всё это время он так и не пошевелился.

«А я, значит, его личный обогреватель?»

«Да, примерно так»

«И если бы я не вернулась, он бы умер от холода?!»

«Нет, но стал бы... воплощением зла. Холодного и неживого. Это... Боюсь, фея, ты не поймёшь. Просто поверь, зрелище неприятное»

Я снимаю плащ, кожаную куртку под ним, растёгиваю ворот рубашки и засучиваю рукава.

«Перчатка, фея!»

«Я помню»

Дамиан счастливо улыбается, не открывая глаз, когда я приспускаю рубашку и даю ему положить голову мне на плечо. А потом мы сидим так долго-долго, час или два, не меньше. Я гляжу на огонь, Дамиан, кажется, спит. Откуда-то, наверное от окна, доносится та серая тоскливая музыка из танцевального павильона.

Да, не такой я представляла нашу встречу. Совсем не такой.

Огонь пляшет в камине так уютно и завораживающе, а Дамиан лежит в моих объятиях так привычно и дышит так спокойно, что и меня наичнает клонить в сон. Сначала я перестаю слышать музыку из окна – только потрескивание поленьев. А потом и оно замирает, а я проваливаюсь в туманную дремоту – я так устала за этот день! Волновалась, боялась, удивлялась – и сейчас я просто хочу спать. Если на пару минут закрою глаза, хуже же не будет?..

Просьпаюсь я уже в кресле, с привязанными к подлокотникам руками и с такой тяжёлой головой, словно пила весь вечер, причём какую-то гадость.

Дамиан, всё ещё в пижаме и босиком (слава богу, что не в чешуе!), ходит туда-сюда перед Габриэлем. Демон невозмутимо провожает его взглядом, как кот, который следит за фантиком на верёвочке. Картина получается неожиданно домашняя и совсем не устрашающая, так что я, выпрямившись, с улыбкой говорю:

– А ты ему молочко предложи.

Дамиан резко оборачивается и впивается взглядом уже в меня.

– Зачем? – голос у него не изменился, такой же холодный и требовательный. Полагаю, так и должен говорить Тёмный Властелин.

А у меня кружится голова, и я чувствую, как губы снова складываются в улыбку, наверняка дурацкую.

– Ну, не знаю... Ты меня отравил, да?

– Я дал тебе эликсир истины, – спокойно отвечает Дамиан, оставляя в покое Габриэля и подходя ко мне. Я сонно зеваю и машинально вспоминаю: эликсир истины – самая сильная здесь сыворотка правды. Что ж, неудивительно, что голова такая тяжёлая, и чувствую я себя, как после бабушкиного зелья. Но что за жизнь! Все меня травят, прямо какое-то местное развлечение – эти зелья.

– Ну ты и гад, – выдыхаю я, дёргая руками. – А связал-то зачем?

Дамиан как-то странно смотрит на меня: словно решает смеяться ему или вспомнить, что он холодный бесчувственный Властелин.

– На всякий случай, – с достоинством отвечает он, так что смеюсь уже я. Долго и с наслаждением, а Дамиан терпеливо ждёт, сидя в соседнем кресле и внимательно изучая моё лицо.

– Кто ты? – спрашивает он, тоже улыбаясь. Это злая улыбка, жестокая. От неё мурашки по коже, а когда мой рот открывается сам собой, я, холодея, понимаю, чем всё закончится. Сейчас под зельем я ему всё расскажу, он превратит меня в статую и... и всё.

Я не хочу быть статуей!

– Я демонолог. И я думал, Тёмный Властелин привечает демонологов и некромантов. Но, вижу, ваше гостеприимство отличается некоторой... причудой.

Брови Дамиана ползут вверх, мои наверняка тоже. Один невозмутимый Габриэль неподвижно стоит у стены.

«Га-а-аби! Что ты со мной делаешь?!»

«Тебя, дуручка, спасаю», – спокойно отзывается демон.

– Ни один демонолог ещё не жаждал так моего внимания, – говорит тем временем Дамиан, подаваясь ко мне и локтём опираясь о подлокотник. – У меня достаточно слуг. Почему ты решил, что я захочу ещё одного?

Эм-м-м, потому что ты бросился мне на шею, стоило только войти?

– Я пришёл не служить, – снова отвечает за меня Габриэль.

– Неужели? – хмыкает Дамиан. – А зачем же?

– Мне было любопытно, – спокойно отвечает демон моими губами. – Ты первый Тёмный Властелин, которого я имею возможность увидеть воочию, а не на страницах книг.

Дамиан изумлённо смотрит на меня пару мгновений, потом хмурится.

– Откуда ты?

– Последнее время я жил в Астрале, – уклончиво отвечает Габриэль.

– Да, но твоё тело должно было оставаться в этом мире...

– Увы, да, – повинувшись демону, я смотрю вниз, на свои руки. Тощие руки-палки. – И это на нём сказалось. В Астрале куда приятнее. Думаю, я вернусь туда в ближайшее время, мне не нравится этот мир.

– Правда? – Дамиан тихо смеётся. – Чем же?

– Он слишком постоянен. В нём нет свободы. Только иллюзия.

«Габриэль, а ты не мог бы говорить что-нибудь, что бы я тоже понимала, а?»

«Молчи, фея»

– Да, – задумчиво произносит Дамиан. – Но и в этом мире много интересного. Например, живой Властелин.

– Ты неинтересен, – отвечает Габриэль, прежде чем я спохватываюсь.

– Неужели? – Дамиан снова подаётся ко мне и, шурясь, ловит взгляд. – И почему же?

– Ты не сделал ничего интересного. Обо всём я уже читал или слышал от духов в Астрале. Ты превращаешь людей в статуи, твоя столица стала сосредоточием зла на земле... Ну и что? Всё это уже было. Ты повторяешься, Властелин. И мне скучно.

«Габриэль, он нас сейчас отправит к чёртовой бабушке! В сад! Статуйей! Я не хочу в сад! Угломонись!»

«Успокойся, Виола. Твоему Дамиану нравится, когда люди ведут себя необычно. Вот это – необычно»

«Серьёзно?!»

Дамиан встаёт с кресла. Медленно подходит ко мне, не отрывая взгляда. Наклоняется.

– Обычно я убиваю за такие слова. Не боишься?

– Нет.

«А я боюсь! Габриэль!»

«Тише, фея»

Дамиан усмехается и неожиданно кладёт свою руку поверх моей.

– Горячий. Ты меня греешь. Ты единственный меня греешь. Почему?

– Потому что у меня есть сердце, а у тебя – нет.

Рука Дамиана больно сжимает мою.

– У всех вокруг есть сердца, и это ничего не меняет. Как ты подчинил высшего демона?

Я замираю с открытым ртом. Точнее, Габриэль замирает. М-м-м, надо же, похоже, демон впервые не находит слов.

Зато их нахожу я.

– Так же, как подчиню и тебя. – Дамиан сжимает мою руку ещё сильнее, но я заставляю себя не обращать внимания. – Лаской и заботой.

– Чем? – Дамиан отступает. И смеётся. – Лаской и заботой не подчиняют!

– Ещё как подчиняют. Сильнее любого заклинания и страха, – убеждённо говорю я. – Тебе не понять, потому что у тебя нет сердца.

– Мне сейчас очень хочется вырвать твоё, – неожиданно спокойно говорит Дамиан. – Но я, пожалуй, услышу ответ на ещё один мой вопрос. На этот раз последний, – он снова подходит ко мне и осторожно, пальцем, касается моей щеки. Это неожиданно приятно, и я жмурюсь от удовольствия. – Ты меня согрел, а мог убить, забрать корону и сесть на мой трон... Или хотя бы попытаться. Но ты этого не сделал. Почему?

– Потому что тебе было холодно, – честно (ну конечно, честно!) отвечаю я.

Дамиан грубо хватая меня за подбородок, поворачивает так, что я утыкаюсь взглядом в его глаза.

– Жалость?

– А тебя надо жалеть? – так же холодно, как и он, тон в тон говорю я. – А за что тебя жалеть, Тёмный Властелин?

Дамиан пару мгновений молчит, потом отпускает меня и отходит к камину. Берётся за кочергу, ворошит поленья – огонь взвивается выше, дышит жарче, – потом оборачивается.

– Я не понимаю.

– Ты великий Тёмный Властелин и не понимаешь? – смеюсь я. – Что же так? А для этого всего-то и нужно иметь сердце. Тебе холодно, и я пытаюсь тебя согреть. Хорошо, что получилось, и очень мило, что в благодарность ты меня связал и напоил какой-то дрянью. Да, твоё гостеприимство меня поражает.

– И ты говоришь это Тёмному Властелину? – изумлённо выдыхает Дамиан.

– Ну и что?

Дамиан, хмурясь, качает головой, потом отходит к камину, а когда поворачивается – в одной его руке бокал с чем-то серо-синим, в другой – кинжал. Бокал Дамиан ставит на пол рядом с моим креслом, а кинжалом аккуратно, не торопясь, разрезает верёвки.

– Что ж не магией? – не выдерживаю я. Молчание гнетёт, а голова кружится – страх просто.

– Если бы их можно было снять магией, я бы тебя ими не связывал, – отвечает Дамиан. – Я читал те же книги, что и ты, и в них слишком часто волшебство Властелина обращали против него самого. Держи. – Он протягивает мне бокал. – Я хочу поговорить с тобой нормально, без эликсира.

«Пей», – вторит ему Габриэль.

Я морщусь, но выпиваю бокал до дна, пока Дамиан за мной наблюдает.

– Странно... Ты очень сильно напоминаешь... одного человека.

– Кого? – я ставлю бокал на пол и откидываюсь на спинку кресла. Головокружение постепенно проходит.

– Неважно, – Дамиан снова кладёт руку на мою. – Тебе лучше?

– Тёмного Властелина заботит состояние какого-то демонолога? – усмехаюсь я. – Что так? Ты же меня убить хотел.

Дамиан усмехается – почти как раньше. У меня ёкает сердце от его улыбки, а пальцы словно сами переплетаются с его.

– Убить тебя было бы очень большой глупостью. Я хочу, чтобы ты остался. Останься!

– Зачем? – спрашиваю я, хотя сердце просто в пляс пускается от этого «останься». Я нужна тебе. Я же знала, что нужна!

– У меня много слуг, – отвечает Дамиан. – Очень много. Мне не нужен ещё один демонолог. Мне нужен, – он медлит, – друг.

Не совсем то, что я ожидала услышать, но... он же всё-таки Тёмный Властелин без сердца.

– Прекрасно, но почему я?

Дамиан смотрит на меня – без обычного для него теперь высокомерия – и тихо говорит:

– Всем на меня плевать. Они боятся, да, и мне так холодно от их страха... Ты же, ты не боишься. Может, поэтому рядом с тобой тепло? И ты... необычный. Мне это нравится... Так ты останешься?

Я отвечаю не сразу – ну вот ещё, пусть помучается. К тому же, мне так приятно смотреть на него сейчас... как раньше, когда его сердце ещё билось. Забавно, выходит, даже злодеи хотят тепла?

«Особенно они, – снова врывается в мои мысли Габриэль. – Им больше всех его не хватает»

Я грустно улыбаюсь в ответ.

– Останусь. Я никогда ещё не дружил с Властелином. Пожалуй, это будет интересно.

Дамиан улыбается и смотрит на наши сцепленные пальцы. Я тоже смотрю.

Господи, какая же я была дура!..

– Может, тогда по дружбе скажешь, как ты действительно приручил высшего демона?

– А? Что?.. Но я уже сказал!

– Лаской и заботой, – фыркает Дамиан. – Как трогательно. Прикажи ему пойти в зал попрыгать среди танцующих на одной ножке.

– Чего?!

– Как скажете, господин, – отвечает Габриэль, разворачивается и идёт к двери.

– Габриэль, стой! – Я вскакиваю. – Ты не будешь этого делать! Он не будет этого делать! – Это я говорю Дамиану. Погромче, чтобы сразу дошло, какую глупость он попросил. И зачем?..

– А что такого? – удивляется Дамиан. – Он же демон и твой слуга. А это был приказ. Пусть исполняет.

– Это был не мой приказ! Я ему никогда такого не прикажу! Это же унижительно!

Дамиан смеётся, изумлённо и... весело? Я сказала что-то смешное?

– Ты правда странный, – говорит он, спокойно глядя, как я хватаю ртом воздух. – Какая разница, что чувствует демон?

– Такая же, как и то, что чувствуешь ты!

Дамиан снова смеётся. И когда в открывшуюся дверь заглядывает слуга, Дамиан всё ещё смеётся и никак не может остановиться. Слуга – тот самый человек-крыс – смотрит на нас так изумлённо, словно это я скачу по комнате на одной ножке. Хотя, думаю, это бы его как раз не удивило...

– Повелитель?

Дамиан оборачивается, и смех замерзает у него на губах.

– Пошёл вон!

Крыс падает на колени.

– Д-да, повелитель, п-простите, но вы говорили, что хотели выйти к гостям...

Дамиан поворачивается ко мне.

– Ты хочешь выйти к гостям?

– Я? Нет уж, спасибо, я их уже видел... видел, – поправляюсь я.

Дамиан поворачивается к крысу.

– Мы. Не хотим. Брысь отсюда.

– Д-да, п-повелитель. – Крыс исчезает за дверью.

– Тоже не любишь балы? – улыбается мне Дамиан.

- Ненавижу, – честно отвечаю я. – Шумно, ярко, все смотрят. Мерзко.
- Да, – задумчиво кивает Дамиан. – Все смотрят... – Он зевает и устало жмурится. – Так тебе точно не нужен мой трон?
- Поверь мне – даже даром, – смеюсь я.
- Дамиан закрывает рот рукой, давая зевок.
- Ты правда странный. Как можно отказываться от трона?
- Как можно его хотеть? – смеюсь я и тоже зеваю. – Слушай, время позднее... Может, мы продолжим этот разговор завтра? Я устал-л, хм-хм, ты, кажется, тоже. – Я встаю. – Спокойной ночи?
- Куда это ты? – останавливает меня Дамиан. – Я хочу, чтобы ты жил со мной.
- У тебя, что, комнат свободных нет? – вырывается у меня, и я смущённо смотрю на дверь в спальню. Пока ещё закрытую.
- Есть. Но я хочу, чтобы ты всегда был рядом, – насупившись, заявляет Дамиан. – Ты мне нравишься, с тобой тепло, а без меня тебя запросто могут убить, а я этого не хочу. Нет, ты будешь рядом со мной, под присмотром.
- Да... Да что ж такое?! Уже и сердце вырвали, а Дамиан всё не меняется: шаг вправо, шаг влево – стой, там опасность, не ходи, я тебя сберегу.
- Ну ты меня ещё в башне запри, – хмуро шучу я. – И ключ выброси. Так до меня точно никто не доберётся.
- Так и я не доберусь, – качает головой Дамиан. – Нет. Я приказываю!
- Дамиан, – очень терпеливо и спокойно начинаю я. Он вздрагивает.
- Ты зовёшь меня... по имени?
- Да, я зову тебя по имени. Ты что-то про друзей говорил?.. Так вот, ты знаешь, что бывает с птицей, которую сажают в клетку?
- Она поёт.
- Так же красиво, как и на воле?
- Д-да... – Он хмурится и окидывает меня внимательным взглядом. – Да, я понял. Ты не будешь таким забавным, если я начну тебе приказывать. Станешь меня бояться и перестанешь греть. Хорошо. Я велю приготовить для тебя комнаты. Но сегодня ты спишь со мной. – И, когда я открываю рот, чтобы возразить, вдруг произносит: – Пожалуйста.
- Д-да, хорошо...
- В конце концов... В конце концов, я же сейчас парень, что такого? И потом, Дамиан спит одетый... А жаль!
- Ну и отлично. – Дамиан встаёт, проходит к двери в спальню, открывает. – Сюда.
- Я медлю, оглядываюсь на Габриэля.
- «Это ловушка, Габри? Он меня во сне не прирежет? Вдруг у него снова приступ злости начнётся? Или...»*
- «Нет, – демон улыбается. – Ты ему действительно нравишься. Иди и не волнуйся, я позабочусь, чтобы ты не потеряла перчатку во сне. И... ты молодец, фея»*
- «Что, хорошо тебя развлекла?»*
- «О да! Но ты сумела понравиться самому Тёмному Властелину, причём буквально с трёх слов. Не каждый на такое способен, гордись»*
- Ты идёшь? – Дамиан снова появляется на пороге спальни. Тёмного Властелина он сейчас напоминает куда меньше, чем просто усталого юношу. Усталого и измождённого.
- Я прохожу за ним в спальню, оглядываюсь, но мало что вижу в сумерках – горит всего одна свеча, у кровати.
- Это спальня твоего брата?
- Дамиан, уже забравшийся под одеяло, резко садится.
- Откуда ты это знаешь?

– Это королевские покои, видно же, а королём раньше был твой брат.
Дамиан снова ложится и закрывает глаза.

– Да.

– Зачем...

– Замолчи. Не хочу сейчас об этом... Не хочу говорить. Я так устал...

Я молча ложусь – подальше от Дамиана, что несложно: кровать огромная, она уместила бы ещё десять Дамианов и даже ещё парочку Виол. Как Ромион, малютка Ромион, на ней спал? Ему совсем не было одиноко?

Впрочем, удобно, да... Даже очень... М-м-м, мягко, и одеяло, хоть и меховое, но совсем не давит, и такое пушистое...

Только бы папа не узнал, что я сплю в одной кровати с парнем...

Только бы мама не узнала, что я сплю в одной кровати с Властелином...

Я уже совсем почти засыпаю, когда чувствую, как мне на плечо ложится прохладная рука.

– Забыл... совсем... приказать принести тебе... одежду... для сна, – бормочет Дамиан, обнимая меня со спины.

– Да ладно, – выдавливаю я. – Мне и так неплохо.

Сон, конечно, как рукой снимает. Этот... Властелин так и будет за меня держаться? Ему, что, кровати мало?

– Успокойся, – шепчет Дамиан. И тут же, увереннее, добавляет: – Пожалуйста.

Странно, но я расслабляюсь практически сразу. Да ладно, это же Дамиан! Вон какой милый и уже даже тёплый. И потом, мне самой приятно. М-м-м, даже очень приятно. Мне, оказывается, нравится, когда меня обнимают вот так... просто так. И так даже уютнее...

В общем, я уже засыпаю, когда Дамиан, прижав меня к себе ещё крепче, вдруг шепчет:

– Как тебя зовут?

Вовремя, что тут скажешь!

– Ви-и, – зеваю я и спохватываюсь, – ил.

– Я тоже буду звать тебя по имени, Виил, – зачем-то сообщает Дамиан.

– Класс, – отзываюсь я, понимая, что наверное это какая-то привилегия. Только не понимая, какая. – Спокойной ночи.

Дамиан не отвечает, наверное, уже спит. Я тоже засыпаю следом за ним и впервые за долгое-долгое время (месяц или даже два!) сплю спокойно. Пусть и в постели с Властелином.

Я в образе парня в постели с Властелином. Этот мир определённо сходит с ума.

Глава 3

В которой я пытаюсь ужиться с Тёмным Властелином

Это самое. Ужасное. Пробуждение в моей. Жизни!

Стоит только глаза открыть (что уже само по себе достижение), так в голове начинают бить молоточки с таким усердием, будто военный марш отбивают, а живот крутит, словно я вчера очень сильно отравилась.

И голос Дамиана, холодный, капризный, ввинчивается в уши, как мел нашего математика. О, ну... что за жизнь!

Дамиан отдаёт приказы. Щурясь и собирая по крайней мере двух одинаковых Дамианов в одного, очень злого и с утра просто неприлично (по сравнению со мной) свежего и бодрого, я смотрю, как он вышагивает мимо шеренги слуг и выплёвывает приказы. Слуги не шевелятся. Сначала мне даже кажется, что они уже окаменели. Но нет, цветные статуи Дамин делать ещё не научился, да и ткань фактурная, и глаза сверкают, и...

Марш в голове становится громче, и я со стоном отворачиваюсь. Нет, всё, хватит с меня. Может, если отдохну, мне станет лучше, а?

Но кто же даст мне отдохнуть-то!

– Виил, ты проснулся? – говорит (а мне кажется, что кричит) Дамиан, склоняясь надо мной. – Виил, я хочу, чтобы ты завтракал со мной! Вставай! Немедленно!..

Я разворачиваюсь и цепляюсь за рукава его шёлковой рубашки.

– Убей меня!

– Что?.. – оторопело шепчет Дамиан, а за его спиной раздаётся тихий вздох удивления. Или ужаса – нет сил определять.

– Я хочу умереть, – выстываю я. – Это всё ты! Ты меня вчера отравил! О-о-о, плохо мне...

На лицах слуг появляется выражение, достойное описания, но я пока могу только корчиться от приступов тошноты и головной боли, а не подыскивать нужные слова и выражения.

– Что стоите? – шипит Дамиан, аккуратно укладывая меня на подушки. – Целителя, живо!

– Не нужно, Повелитель, – раздаётся спокойный голос Габриэля. Я жмурюсь и ужа даже не пытаюсь открыть глаза. Слишком сложно. – Моему господину станет лучше, как только он примет ванну, – продолжает демон.

– Га-а-аби! – хриплю я. – Меня уби-и-или!

Холодная рука Дамиана ложится на мой лоб, и я блаженно вздыхаю. Это почти как компресс со льдом, только не тает...

– Нет, Повелитель, – отвечает Габриэль на какой-то вопрос Дамиана, который я даже не слышала. – Мой господин всегда такой с утра. А бывает и хуже.

– Непра-кха-ха! – протестую я.

– Прошу вас. – Габриэль поднимает меня и осторожно куда-то несёт...

– Не в воду! – спохватываюсь я. – Не смей кидать меня в воду! Слышишь? Не смей!

– Господин, утомонитесь, – шепчет Габриэль. – Представьте, что за дверью слышно. Я ещё не поставил звуковой контур.

– Какой контур? Какой дверью? – Я снова открываю глаза, озираюсь и понимаю, что мы в королевской купальне – и Габриэль осторожно опускает меня на бортик бассейна. И не менее осторожно начинает раздевать.

– Ты что творишь, демон! – шиплю я, хватаясь за растёгнутую рубашку. От волнения сразу легче становится, я прямо оживаю.

– Однажды мы с вами об этом говорили, – невозмутимо замечает Габриэль, стягивая с меня носки. – И я дал понять, что твоё тело интересует меня в последнюю очередь, фея.

– Ах, значит, всё-таки немного немного интересуют? И это не повод... Отвернись!

Габриэль отворачивается – но только когда я оказываюсь полностью раздета и опущена в воду.

– Габи, – тут же прошу я. – А можно я перчатку с ниму? Мне бы волосы промыть...

Чтобы не мешались, они собраны в пучок, толстый и не очень удобный, но крепкий. Кажется, Габриэль вчера полил их сиропом, и сегодня голова чешется – просто страсть как!

– Нужно. – Габриэль становится у двери. – Тебе нужно отдохнуть. У тебя и так отняли слишком много сил.

– Эй а тебя с той стороны не слышно? – я пытаюсь размотать косу, но она прилипла намертво.

– Уже нет. К тому же, мыслеречь ты сейчас, к сожалению, не выдержишь.

– Тогда скажи, почему мне так... так плохо?!

– Ты и Властелин связаны, – словно само собой разумеющееся, говорит Габриэль. – Он согревается и добреет рядом с тобой, а ты теряешь энергию.

Это он так добреет?!

– То есть, я ещё и его батарейка? А это можно как-то... Как-то... Ну...

– Нет. Если ты не поторопишься, и через месяц Дамиан не получит сердце назад, тебе придётся или вернуться домой, или расстаться.

– Что, как русалочка?

– Нет, куда болезненней, если ты про знаменитую пьесу...

– Я про сказку, но неважно. Значит, месяц? Габи, честно, мне очень плохо уже сейчас, я так и дня не протяну.

– Протянешь. Я приготовил тебе хорошее зелье...

– О, ну только не зелье!

– Которое ты выпьешь, и тебе станет лучше, – тоном, котоырм обычно отдают приказы, говорит демон, и я молча выражаю своё мнение потолку. Тот тонет в ароматном пару – персик, что ли? – и весь искрится от позолоты. А ещё на нём резвятся милые феи. Приятно-то как!

Дверь дёргается, и я вздрагиваю. Очевидно, Дамиан не счёл нужным постучать. Очевидно, его манеры исчезли вместе с сердцем.

– Я задержу его, а ты поторопись, – бросает Габриэль, и на бортике появляется бокал с алым, точно кровь, зельем, а сам демон исчезает за дверью.

Кое-как я укладываю волосы и заканчиваю принимать ванну в рекордные сроки, всё время в панике оглядываясь на дверь. Залпом выпиваю зелье, потом корчусь на полу, пока оно пытается вернуться назад, гадость какая, ну почему меня все вокруг травят!

И вдруг всё проходит. Я замираю, прислушиваясь к себе, потом осторожно встаю. Не знаю, что это было в бокале, но штука эта убойная. У меня такое чувство, что я сейчас взлечу!

Чуть не подпрыгивая на каждом шагу, я одеваюсь, проверяю перчатку, проверяю волосы, кутаюсь в пушистый халат, который нахожу в резном шкафчике, и торжественно возвращаюсь в спальню. Вот, обновлённая, оздоровлённая я, прошу любить и жаловать!

Дамиан, до этого наседавший на Габриэля, поворачивается ко мне, изумлённо вздёргивает брови... и хохочет!

– Что? – мой голос снова пищит. – Что?!

Дамиан сгибается от хохота, а суетящиеся вокруг слуги замирают, поражённо смотрят на него.

– Да что такое? – беспомощно повторяю я. – Я одел-лся не так? Что?

Дамиан пытается что-то выдавить, но его сгибает новый приступ хохота.

– Полагаю, повелитель хочет сказать, что в этом халате, господин, вы похожи на цыплёнка, – невозмутимо замечает Габриэль.

– Я? – Оборачиваюсь в поисках зеркала, но как и положено, в мужской спальне его нет.

– Вы, господин, – отзывается Габриэль.

Под халатом у меня влажная белая рубашка, так что я вцепляюсь в полы – не сниму! Пусть на цыплёнка, но не сниму!

– Ещё и тощий! – хихикает Дамиан.

– Я тощий?! – Ну да, тощий, но не надо говорить это... так! И смеяться при этом тоже не надо! – Да я... – Подбегаю к кровати и хватаю одну из подушек. – Я тебе сейчас покажу. – Размахиваюсь. – Тощий!

Дамиан мгновенно умолкает, ловит подушку, притягивает меня за неё к себе и выдыхает в ухо:

– Не смей этого делать. Не смей на меня нападать. Никогда.

– Х-хорошо...

– Ты меня понял?

– Д-да!

Дамиан кивает, отпускает подушку – она падает между нами – смотрит на меня и снова улыбается.

– Пойдём завтракать, будем тебя откармливать.

Ага, на убой. Я иду за ним, и краем уха слышу, когда дверь в спальню уже закрывается:

– Повезло мальчишке, я думал, камнем не отделается.

– Ага...

Дамиан тем временем стоит у накрытого стола с таким видом, словно вместо завтрака на нём – отбросы.

– Я же говорил, что ненавижу бруснику! – рычит он, и удивительно, почему даже стены не подпрыгивают от его гнева.

Трое лакеев и дворецкий дружно падают на колени.

– Зато я люблю! – преувеличенно-радотно восклицаю я, падая в кресло. – М-м-м, вкуснятина! Дамиан, а ты точно не любишь? А ты на булочке с маслом её пробовал? С сахаром – прелесть просто! Держи, попробуй.

Дамиан – кажется, больше от изумления, берёт бутерброд.

– Но я правда не люблю...

– А слабо кусочек попробовать?

Дамиан хмыкает, но пробует. Потом поворачивается к так и не вставшим слугам.

– Хочу. Ещё.

Они тут же поднимаются, и буквально мгновение спустя перед Дамианом лежит целая тарелка брусничных бутербродов. Как перед капризным избалованным ребёнком. Странно, очень странно мне видеть его таким. Тактичного, милого Дамиана...

– А мне мёда можно? – прошу я. – С сахарными цветами. У вас есть?

– Конечно, господин, – невозмутимо отвечает дворецкий, и один из лакеев исчезает.

– Любишь кухню фей? – интересуется Дамиан, выбирая бутерброд и не глядя на меня.

– М-м-м, а у них есть кухня? Я просто мёд люблю.

Дамиан усмехается.

– Через пару дней Сады падут, и у тебя будет много мёда, Виил.

– То есть, как падут? Куда падут?

Дамиан поднимает на меня взгляд и улыбается.

– А как же... – А как же мама?! А... А... – А как же... А я так хотел туда съездить! Говорили, там диво как красиво...

– Съездим, – обещает Дамиан. – Вместе и съездим.

Звучит это скорее как угроза, чем обещание, и я стараюсь обратить внимание на что-нибудь другое. Например, на лимонные рулетики.

Но мёд с сахарными цветами, когда его мне приносят, неприятно горчит.

Как там мама?..

– А королева фей? Что будет с ней?

– Не знаю, – безразлично отвечает Дамиан. – А тебе-то что?

– Но... Феи добрые...

– Феи добрые?! Феи?! – Дамиан отшвыривает десертную ложечку. – Они самые жуткие создания в этом мире! Жуткие и жестокие! – Вокруг него начинается чёрный туман. – Они лицемерные, лживые!..

– Ты ничего не занеешь о феях! – пытаюсь перекрычать я. – Ничего! Ты!..

Что-то с грохотом падает, и мы с Дамианом оба вздрагиваем.

– Прошу прощения. – Габриэль невозмутим как всегда. – Я сегодня неуклюж.

Мы смотрим, как быстро осколки чьего-то бюста складываются обратно в скульптуру.

– Это моя мать, – говорит вдруг Дамиан, глядя на бюст.

– Да? – Я обращаюсь. – Она... красивая. Очень. Дамиан, прости, я не...

Он только отмахивается, садится и минуту спустя выдавливает:

– Я ненавижу фей.

– Но почему?

– Я не хочу об этом говорить.

– Ладно... А м-м-м... ты мёд, значит, не любишь? А что тогда любишь?

Дамиан бросает на меня странный взгляд, пожимает плечами и начинает рассказывать, сначала неохотно, потому увлекается... С ним всегда так, и я это отлично знаю. И раньше так же меняла тему, только мы ни разу не говорили о таком пустяке, как еда.

Да, но я не знала, что Дамиан любит сыр. И жирные сливки. И яйца в мешочек. А ведь он-то знал, что люблю я. Он и Ромион. Лучший смородиновый мармелад я всегда получала как раз от Дамиана ...

Я ведь даже не пыталась раньше его узнать. Почему?..

– П-повелитель, – когда со стола уже убирают, перед Дамианом появляется вчерашний человек-крыс. – Вас ждут послы от гоблинов, и гости...

Дамиан поворачивается ко мне.

– Гости или гоблины? Мне они одинаковы противны.

– Гоблины! – выдыхаю я. Роз, как Роз, с ней всё в порядке?!

– Гоблины, – повторяет Дамиан крысу. Тот низко кланяется.

– П-повелитель, в-ваш д-дракон...

– А! Я совсем о нём забыл. Виил, ты уже видел моего дракона?

– А... м-м-м... Да...

– Пойдём, посмотришь ещё.

Крыс услужливо распахивает дверь, не дожидаясь, когда это сделают лакеи, прячет глаза, дрожит...

– Виил! – зовёт Дамиан с порога.

Я бросаю недопитый ромашковый чай и вскакиваю, пристраиваюсь позади. Вот так и пойдём гуськом: крыс, Дамиан, я и Габриэль.

Сейчас коридоры уже не так пусты и не так сумрачны. Солнце пытается пробиться сквозь серые тяжёлые облака, и темнота сереет, но не отступает совсем. Из-за этого коридоры, галереи и залы сиернского дворца кажутся залитыми туманом. И придворные, слуги, волшебники в тёмном, как вчерашний привратник, с серебряными значками на груди, молча кланяются, отводят взгляд...

– Виил, иди рядом, – приказывает Дамиан и хватает меня за руку. Этот нехитрый жест сопровождается изумлённым вздохом, и на меня теперь смотрят, искоса, исподлобья. Но смотрят.

– Зачем? – шепчу я.

– Пусть видят, что я тебя люблю, – невозмутимо отвечает Дамиан, конечно, не понижая голос. – Тогда, если какой-нибудь идиот додумается тебя хоть пальцем тронуть, он будет примерно представлять, чем это для него закончится.

Теперь меня провожают уже не изумлёнными или любопытными, а полными ужаса взглядами. Очевидно, я в безопасности: идиота, готового рискнуть и бросить вызов Властелину здесь нет.

Снаружи безумно холодно. Мраморные плиты двора припорошены снегом, а на лестнице крыльца его целая шапка, на которую я тонкими домашними туфлями и наступаю.

Дамиан изумлённо оборачивается, когда я спотыкаюсь и шиплю от холода. Снова оглядывает меня, хмыкает и резко приказывает:

– Тёплую одежда для Виила. Сейчас же!

По-моему, секунды не проходит, а мне на плечи уже опускается меховой плащ, а ноги оказываются обуты в тёплые сапоги.

– Спасибо, – бормочу я, запахиваясь.

Дамиан снова хмыкает.

– Пожалуйста.

А замершие слуги глядят на меня в священном ужасе. Они и крыс. А, да ладно, это они просто не знают, что я нынче работаю при Властелине обогревателем. А какой нормальный Властелин хочет, чтобы его обогреватель сломался, например, простыл?

Дамиан тем временем выходит на середину двора, к бывшей клумбе и нынешнему, как я понимаю, позорному столбу.

– Виил, посмотри. Это мой дракон.

Так собак ещё представляют. «Гляди, это моя немецкая овчарка. Видишь, какая породистая?»

Дамиан, не дожидаясь моего ответа подходит к Туану – тот висит в цепях, как мёртвый – и с размаху бьёт его по щеке. Туан вздрагивает от удара, но глаз не открывает.

– Дамиан, – начинаю я, но тот не слышит или делает вид. Он отходит, в его руках появляется поблёскивающий серебром хлыст, которым Дамиан размахивается.

Кажется, я вскрикиваю, но меня заглушает стон Туана. Красные, с вертикальными зрачками глаза открываются, потрескавшиеся губы выдыхают:

– П-повелитель...

– Ты найдёшь мне девочку? – спокойно интересуется Дамиан.

– П-повелитель... Простите... У неё демон...

Дамиан размахивается снова.

– Это я уже слышал. Мне нужна эта фея. Когда придумаешь, как мне её вернуть – я тебя отпущу.

– П-повелитель... Ум-моляю...

Дамиан размахивается.

– Прекрати! – Снова я визжу, но и чёрт с ним, не до того сейчас!

Я бросаюсь к Дамиану, хватаю за руку.

– Прекрати, ты же его убьёшь!

Дамиан изумлённо поднимает брови и холодно бросает:

– Успокойся, Виил, это дракон. Его так просто не убить. – Но хлыст он отбрасывает и снова берёт меня за руку. – Идём.

– Отпусти его, Дамиан, ну, пожалуйста! Он же замёрз!

– Ерунда. Он дракон, он не может замёрзнуть.

– Но ты его... Он же!..

– Он не выполнил мой приказ. Любой, кто не выполнит мой приказ, будет...

Я вырываю руку и отшатываюсь, а Дамиан удивлённо замолкает. Оборачивается, смотрит на меня.

– Виил, что с тобой?

– Ты... Да ты просто...

– Да?

– Повесишь тут и меня? – Я злюсь так, что меня аж трясёт. – Тоже? Когда я не исполню твой приказ? Да?!

Дамиан склоняет голову набок и улыбается. Зло.

– Дай подумать. А что если... Если я освожу это ничтожество, ты согласен занять его место?

– Да!

– И ты даже не задумался, – тихо смеётся Дамиан. – Идём, гоблины ждут, ты же хотел их увидеть.

– А освободить? – чуть не плачу я. – Ты ведь сказал...

Но Дамиан только смеётся, обнимает меня за плечи и подталкивает к ступенькам крыльца.

– Идём, дурачок. Ты для меня важнее в сотню или даже тысячу раз, чем какой-то дракон, который всё равно от меня никуда не денется. Послушай, тебе что, правда себя не жалко? Совсем? Ты очень чудной демонолог...

Я открываю рот – добиваться, спорить, кричать... Да неважно! Но идущий позади Габриэль заставляет меня замолчать.

«Извини, фея. Вынужден согласиться с Властелином. Ты важнее»

«Габриэль! Он там умрёт!»

«Вряд ли. К тому же, он твой враг, не забывай. Он выдаст тебя Властелину при первой же возможности»

«Ты ему не позволишь, ты сам говорил. Габриэль!..»

«Ну хватит»

Так что я молчу всё время, пока мы идём в тронный зал. Нам снова кланяются, меня провожают благоговейными взглядами, а Дамиан, не обращая на это ровно никакого внимания всё говорит и говорит, и говорит... Не замечала за ним раньше такой любви к словам. Но может я просто не давала ему выговориться?

Дамиан тоскливо вздыхает, когда мы входим, и придворные, расступаясь, сгибаются перед нами в глубоких поклонах.

– Как бы я хотел сейчас быть вместо этого в лаборатории! – бормочет Тёмный Властелин.

Как бы я хотела сейчас быть вместо этого дома...

Дамиан снова вздыхает, когда подходит к трону, берёт чёрную и острую, точно ошетилившуюся корону, надевает, бросает на меня весёлый взгляд, морщится напоказ и лениво садится на подушки трона, нога на ногу.

– Запускайте гоблинов.

В рядах придворных появляется еле заметное движение, кто-то что-то шепчет, и звук всё нарастает...

Дамиан поворачивает голову...

– Ваше Величество! – Перед троном на колени опускается дама лет сорока, элегантная и, судя по осанке, гордая и величественная... только не сейчас. Сейчас она склоняется к самым ногам Дамиана. – Ваше Величество, умоляю, отпустите мою дочь! Я прошу вас!

Дамиан закатывает глаза и отмахивается. Вспышка, запах озона.

Каменная статуя валится на пол у трона.

Придворные замирают (а слуги проворно уносят статую), и я тихо выдыхаю, глядя на Дамиана:

– Герой? А зачем нам герой? Сейчас я его сама убью.

– Господин, держите себя в руках, прошу вас, – отвечает стоящий позади меня Габриэль.

– Виил, ну что ты там застыл? – зовёт Дамиан. – Иди сюда, встань рядом. Мне холодно! Сейчас я тебя, радость моя, согрею!..

«*Виола, держи себя в руках*, – мысленно приказывает мне Габриэль, подталкивая к Властелину. – *Или я согрею тебя*».

Дамиан хватается меня за руку, тянет встать ближе. Я вздрагиваю – у него снова ледяные пальцы.

– М-м-м, повелитель?

– Что такое? – удивляется Дамиан, поднимая на меня изумлённый взгляд. – Ты же звал меня по имени. Зови дальше, мне нравится.

– Хорошо. Дамиан, кажется, мне здесь не место...

– Твоё место там, где я скажу, – самодовольно заявляет Властелин. А потом вдруг спрашивает: – Почему ты так решил?

– Насколько я знаю, у трона стоят только советники, – напряжённо отвечаю я. Мне плевать, кто стоит у трона, я просто хочу сейчас оказаться от Дамиана подальше. Заколдовать женщину лишь потому, что она посмела его о чём-то попросить! И что она про дочь говорила?..

– Ещё и фавориты, – улыбается Дамиан. – Впрочем, мне интересно, что ты мне посоветуешь.

– Да, повелитель.

– Дамиан. Я приказываю.

– Хорошо...

В зал наконец-то «запускают» гоблинов. Впрочем... их действительно запускают. В цепях. Гуськом, только что тяжёлая гиля за ними не тянется, как в некоторых диснеевских мультиках про заключённых. И роботы на них серые, а не в полосочку. Господи, в какой дурдом я попала?!

Дамиан зевает и скучным голосом спрашивает у кого-то за троном:

– Им дали поговорить с королём?

– Да, Ваше Величество, – отвечает смутно знакомый мне лорд. Кажется, я видела его среди советников Ромиона.

– Прекрасно, – Дамиан поворачивается к гоблинам. – И? Я, наконец, получу свою армию?

Стоящие на коленях гоблины молчат, ждут, пока один из них не выползает вперёд и, не поднимая взгляда, чётко отвечает:

– Нет.

Дамиан свободной рукой стискивает подлокотник трона и ласково интересуется:

– А ваш король понял, что если он будет упорствовать, я разграблю его подземелья и заберу его невесту? Говорят, она красивая.

Что?! Он нацелился на Роз? На Роз?! Я тебе заберу! Только посмей! Только!..

«*Виола, успокойся!*» – шипит Габриэль, а Дамиан удивлённо поднимает взгляд на меня. Наверное, я слишком сильно сжала его руку.

– Виил, в чём дело?

– Ни в чём, – сквозь зубы выплёвываю я.

Дамиан изгибает бровь, но, помолчав, поворачивается к гоблинам.

– Так вы донесли до короля мои условия?

– Да, Ваше Величество, – отзывается гоблин-посол. – Смею вас заверить, наш король настроен решительно. Против вас. Он, впрочем, согласен отправить к вам магов, но не в каче-

стве рабов. И только если вы согласитесь признать суверинитет нашего королевства. И отдадите ему сестру Её Высочества, принцессы Розалинды, принцессу Виолу. Иначе...

Дамиан не дожидается, что там «иначе». Он и до этого-то сидел, напряжённый, и улыбался так ласково, что я бы на месте посла онемела. Но гoblin смотрел в пол и не видел, что творится с Властелином. Поэтому, как и все, вздрогнул, когда Дамиан, ударив ладонью по подлокотнику трона, вскочил, наконец, отпустив меня.

– Иначе? Этот подземник мне условия ставит? Мне?! – Он кидается вперёд, к гоблинам. – А что если я пришлю ему свою армию? И духов, полагаю, ему понравится?! Но сначала я отправлю ему вас! Камнем! – Он замахивается, его правая рука искрит, и снова воздух пахнет озоном. – По частям! По камешкам! По...

Я хватаю Дамиана за руку, прежде чем он успевает её опустить.

– Не надо!

Тишина в тронном зале после этого устанавливается такая, что мне кажется, будто я оглохла. Дамиан удивлённо моргает, гоблины не шевелятся, придворные, кажется, даже не дышат.

– Пожалуйста, не надо, – повторяю я, глядя Дамиану в глаза. Спокойно, как рычащей собаке. Папа учил, что надо такой смотреть в глаза, тогда она, может быть, не нападёт и успокоится. Ни разу не было случая проверить – до этого момента.

Дамиан рычит и отшвыривает меня к ступенькам трона.

– Не смей мне указывать!

Я падаю, неудачно, спиной на ступеньки трона, и краем глаза замечаю, как вперёд выступает Габриэль.

– Повелитель, мой господин просто хотел заметить...

Дамиан, не слушая, мгновение молча смотрит, как я неуклюже пытаюсь подняться, потом, знакомо дёрнув уголок рта, отталкивает Габриэля и идёт ко мне. Я жду, уверенная, что он и меня сейчас заколдует. И нет, мне нестрашно. Я злюсь, и мне нестрашно.

Но Дамиан снова всех удивляет – он наклоняется и рывком ставит меня на ноги. И тихо говорит:

– Не делай так больше. Я могу не сдержаться. Не делай.

– Ты же знаешь, что буду, – упрямо говорю я.

– Пожалуйста, – в самое ухо, чтобы слышала только я, добавляет Властелин, и передаёт меня с рук на руки Габриэлю.

«Дура!» – шипит демон.

«Бесчувственный чурбан!» – зло отзываюсь я, а Дамиан тем временем, морщась, поворачивается к гоблинам. Вдыхает.

– Уведите их. Потом решу, что с ними делать. Всё, аудиенции на сегодня окончены.

Потом Его Темнейшество (или как его правильно величать?) самолично показывает приготовленные для меня покои. По иронии, это оказываются те же комнаты, где я жила месяц назад.

– Тебе нравится? – требовательно спрашивает Дамиан, останавливаясь у окна гостиной.

– Угу.

Дамиан жестом приказывает слугам исчезнуть, что они и делают – думаю, с удовольствием. Я бы тоже очень хотела сейчас исчезнуть.

– Ты такой хрупкий, – говорит Дамиан, когда дверь за последним лакеем закрывается, а Габриэль снова сливается со стеной. – Я должен привыкнуть обращаться с тобой бережно... Тебе больно?

– А статуям больно? – тихо спрашиваю я. – Когда живые люди прерастают в камень – им больно?

Дамиан усмехается.

– Какая разница. Тебе и их жаль?

– Да.

Дамиан улыбается – почти прежней улыбкой, задумчивой и немного грустной – и подходит ко мне.

– Это очаровательно. Я нахожу твою жалость очаровательной. Это такой интересный контраст между тем, что я вижу вокруг – и тобой. Ты великолепен, Виил. Знаешь, что я хочу? Видеть это выражение лица чаще – может, мне стоит пытать этих гоблинов? Ты будешь упрашивать меня остановиться, ведь так? И смотреть на меня. Вот так. Ты...

Я отвечаю ему пощёчину до того, как он успевает продолжить. И краем глаза вижу, как отодвигается от стены Габриэль.

Дамиан прижимает ладонь к покрасневшей щеке, поворачивается... Я отшатываюсь от его взгляда и стискиваю зубы. Ну уж нет, не дождёшься. Я перед тобой на коленях ползать не стану.

– Я же сказал, не смей на меня нападать, – тихо, угрожающе тихо говорит Дамиан. – Я твой Властелин и повелитель, и ты...

– Ты не мой Властелин и уж тем более не повелитель. И я тебя не боюсь.

Дамиан замирает, потом снова улыбается – так же задумчиво-грустно.

– Нет. Не бойшься. И это мне в тебе нравится. Но учти, Виил, ещё раз поднимешь на меня руку, я казню кого-нибудь... кого-нибудь. На твоих глазах. Видишь ли, я не хочу, чтобы ты сломался, ты для меня важен. А другие... другие не важны. – Он потирает щёку. – Ясно?

– Да, – угрюмо отвечаю я.

– Превосходно. Теперь эти комнаты – твои, но спать ты будешь со мной.

– Я не!..

– Покажешь, кого мне казнить, или я сам выберу?

– Хорошо. Я сплю с тобой, – сквозь зубы отвечаю я.

– Великолепно. До вечера я в лаборатории. После одиннадцати ты должен быть в моей спальне. Или я прикажу духам убивать – у меня много духов, даже твой демон не справится с таким количеством.

«Вообще-то, мне это и не нужно, мне достаточно им приказать, – встревает Габриэль. – Но пусть он об этом не знает».

– Всё ясно, Виил?

– Да.

– Дамиан. Назови моё имя. Мне нравится, как ты называешь меня по имени.

– Дамиан, – вздыхаю я.

– Хорошо. Я прикажу, чтобы обед тебе принесли сюда. Ешь хорошенько, мне не нравится, что ты такой худой. Вдруг ты умрёшь от истощения? Не смей умирать.

– Хорошо-хорошо...

Когда Дамиан уходит я дожидаюсь, когда принесут обед, потом очень настойчиво отсылаю слуг (они не менее настойчиво пытаются мне угодить) и подхожу к Габриэлю.

– Ты же знаешь самый быстрый способ оказаться во дворе? Габриэль, пожалуйста. Мне нужно там быть сейчас. Ты клялся. Габриэль...

– Успокойся, – усмехается демон. – Клялся так клялся. Идём, – и, как до этого дома, он берёт меня за руку, я делаю шаг... и снова в домашних туфлях проваливаюсь в снег! Да что сегодня за день такой?!

– Теперь, полагаю, ты попросишь его освободить? – Габриэль останавливается у шеста, смотрит на Туана. Тот, кажется, без сознания. – Напомню, он – волшебник, который наложил на тебя заклинание подчинения. Ты его ненавидела.

– Прекрасно, Габриэль, давай мы его сейчас спасём, а потом я продолжу его ненавидеть?

– Властелин будет не доволен.

– Да плевать!

– А ты знаешь, – Габриэль гладит цепи, и те, словно живые, извиваются, ползут... Туан со стоном падает на стылую землю. – Мне ведь это тоже в тебе нравится, – продолжает демон, – ты отчаянная.

– Да, да, да, – шепчу я, садясь рядом с Туаном. – Габи, верни нас теперь обратно, пожалуйста!

До вечера Габриэль проявляет своё искусство целителя. Туана обтирают, отмывают, потом отпаивают (мы, по очереди) какой-то дрянью. Потом я, наконец, обедаю – хотя всё давно остыло, но что уж!

– Спасибо, что помог, – говорю я потом, сидя у кровати Туана. – Правда. Спасибо.

– Не за что, – усмехается Габриэль. – На самом деле, он маг жизни, а тебе сейчас нужно его волшебство.

– Ты с ума сошёл, он не будет мне помогать!

– О, ну я бываю очень убедителен, – смеётся Габриэль.

Туан стонет, поворачивается ко мне, с трудом открывает глаза.

– П-повелитель... – Он шурится. – Гд-де?.. Я... Я д-должен в-вернуться!

– Куда? К столбу?

Туан пытается сесть, но всё время съезжает на подушках, а дрожащие руки его не держат.

– К-кто вы?

Я стягиваю перчатку и уже своим голосом отвечаю:

– Здравствуй, милый. Узнаёшь?

Туан вздрагивает, оглядывается, видит Габриэля и пытается выбраться из кровати.

– Иди, Виола, – спокойно говорит демон, и одеяло стягивает Туана, как смиренная рубашка. – Мы побеседуем с юным драконом. Иди, Властелин ждёт.

Туан пытается что-то сказать, но из его рта не вырывается ни звука.

– Ну как ощущение? – не выдерживаю я. – Приятно? Ты делал со мной то же самое.

– Иди, Виола.

Я надеваю перчатку и напоследок прошу Габриэля:

– Только ты не убей его, ладно?

– Не волнуйся, – улыбается демон. – Не убью.

Звучит это как угодно, но совсем не успокаивающе.

Мне жаль Туана. Действительно жаль. Впрочем... пожалею его потом, после того, как верну Дамиану сердце.

В покои Властелина меня любезно провожают. Стараюсь отделаться от мысли, что это конвой.

– Повелитель давно ждёт вас, – улыбается крыс, кланяясь мне почти так же низко, как Властелину.

– Ничего не знаю, одиннадцать ещё только бьёт. – Я перешагиваю через порог спальни, и дверь за мной закрывается. Со зловещим скрипом. Конечно же.

Снова горит одна лишь свеча. И тяжёлое дыхание, больше похожее на всхлипы разносится по комнате – я вздрагиваю, нахожу взглядом скорчившегося под одеялом Дамиана, сбрасываю с себя халат (в пижаму я переоделась ещё в своих комнатах) и залезаю на кровать.

Дамиан снова ледяной и снова прижимается ко мне, хватается, как за спасительную соломинку. Я накрываю нас одеялом, оставляю свечу и жмурюсь.

– В-виил? – шепчет Дамиан. – Т-ты?

– Я. Спи.

– Да, – блаженно вздыхает Дамиан, утыкаясь носом мне в шею. – Мне так с тобой хорошо. Так хорошо... Почему?

– Не знаю. – Я стираю текущие по щекам слёзы и старательно успокаиваюсь. – Спи.

Он улыбается, ещё крепче прижимается и дышит ровно... сонно...

Я оглядываю спальню прежде чем тоже провалиться в чёрный, как бездна, сон. Где же, куда же он дел своё сердце?..

Глава 4

В которой я проявляю дипломатические способности

На этот раз всё ещё хуже: я не могу проснуться. Вроде бы вот-вот: и уже открываю глаза и сознаю, что это сон, – но чёрная бездна тянет меня и засасывает, и проглатывает. Со мной так впервые – в панике я пытаюсь позвать, но открыть рот ещё труднее, чем глаза. А потом и дышать становится сложно, и я задыхаюсь.

«Всё-таки умру», – думаю я, чувствуя, как падаю – туда, где нет дна. И нет, никакая жизнь перед глазами не проносится – впрочем, она, кажется, никогда не проносится. Уж сколько раз я в этом дурацком мире умирала... Я думаю только: «Ну и что?» Мне просто хочется, чтобы это поскорее закончилось. Пусть закончится. Сейчас. Пусть так – но закончится. Пусть...

Мои желания в этом мире тоже ни черта не сбываются: меня ловят. Ощущение такое, как будто я и падаю, и лечу вверх одновременно, и эти две противоположные силы борются, а я вяло жду, когда одна из них возьмёт верх. Мне уже всё равно.

А потом я всё-таки просыпаюсь: всё ещё задыхаясь, всё ещё пытаюсь «уйти» туда, в бездну, где было равнодушно-спокойно, где я просто падала, а не умирала каждое мгновение, потому что чёрт возьми, это жутко больно!

Кто-то меня зовёт, странно сокращая имя, и холодный твёрдый край бокала стучится о зубы, потом под подбородком надавливают, я всё-таки открываю рот, и горькая, безумно горькая жидкость льётся мне в рот. Кашляю, пытаюсь её выплюнуть, но мне зажимают нос (как будто я до этого могла вдохнуть!), и я глотаю. Боже мой, какая гадость!

Окончательно я просыпаюсь, лёжа у Дамиана на коленях. Точнее, моя голова лежит у него на коленях. Дамиан грустно смотрит на меня и гладит волосы. Длинные волосы, которые рассыпались по всей кровати.

Перчатка!

Перчатка на месте, и я выдыхаю. Значит, Дамиан чувствует иллюзию. Должен чувствовать именно её, если верить Габриэлю. Но волосы лучше осторожно собрать...

Дамиан свободной рукой осторожно останавливает меня, когда я пытаюсь встать.

– Лежи, Виил. – И тихо добавляет: – Ты чуть не умер.

Я лежу. Смотрю на него, и вот странно: мне одинаково хочется сейчас его поцеловать и сбежать на край света. Я боюсь его такого, что бы я ни говорила, как бы ни храбрилась. Я знаю, что он может сделать, если обнаружит, кто я. У меня хорошее воображение, и я видела, как он ведёт себя с другими. Как он ведёт себя с Туаном. Мне страшно, но этот страх возбуждает. Так ведь не должно быть! Я всегда мечтала полюбить принца, красивого, доброго, нежного принца. Чтобы он заботился обо мне и доставал мне звёзды с неба по первому зову. Я любила Дамиана именно таким, а потом... Потом мне стало скучно. И, выходит, мне нужно это – когда я хожу по лезвию, когда играю с огнём, и этот огонь и есть мой принц? Это странно, это ненормально, это...

– Успокойся, – тихо говорит Дамиан и кладёт ладонь мне на лоб. Потом: – Я тяну из тебя жизненную силу. Это ведь я тебя чуть не убил.

Я молчу, и Дамиан опускает взгляд – на меня, мне в глаза.

– Ты знал?

– Да.

– Ты – знал? – ошеломлённо повторяет Дамиан, и его рука сжимает мои волосы. Были бы действительно короткие – я бы уже шипела от боли. – И ты мне позволил?

– Тебе было холодно.

– Я же сказал, что не хочу, чтобы ты умер! – Дамиан дёргает меня за волосы, и я морщусь. – Как ты посмел?! Я же приказал!..

– А я не хочу, чтобы умер ты, – спокойно отвечаю я. – И отпусти мои волосы, пожалуйста. Мне больно.

Дамиан тут же разжимает руку, как-то испуганно даже. Потом вздыхает.

– До чего же ты хрупкий! Виил, нам нужно что-то с этим делать. Вот, – он тянется к прикроватному столику, – возьми.

Я поднимаю руку и ловлю... браслет. Он чёрный (или кажется мне таким из-за сумрака), камни-капельки снова вставлены в подвески, в основном в виде... э-э-э, лисицы?

– О, м-м-м, спасибо, – бормочу я, крутя браслет в руке. Он ледяной на ощупь, и камни, прозрачные (алмазы?) ярко сверкают даже в том тусклом свете, проникающем сквозь тяжёлые портьеры на окнах. – Какие... м-м-м... камни интересные.

– Это слёзы.

– В смысле? Они так называются?

– Нет, это мои слёзы. Виил, а ты точно демонолог? – с усмешкой спрашивает Дамиан.

Я вздрагиваю, сжимая браслет.

– Да!..

– Ну конечно, нет, – смеётся Дамиан. – Ты думаешь, я этого не понял? Ты вчера прошёл сквозь моего советника и даже бровью не повёл.

– А-а-а... м-м-м... ну...

– Да, ты каким-то образом сумел раздобыть демона, причём высшего, причём этот демон тебе действительно подчиняется. Возможно, его силы ограничены, поэтому он не разнёс здесь всё на свете и не вернулся в Астрал. Возможно. Но я начинаю склоняться к мысли, что ты действительно связал его лаской и заботой. Ты их просто излучаешь. Сначала я решил, что ты герой, который должен меня убить...

– Я? Нет!

– Да, в герои ты не годишься, – кивает Дамиан. – Они обычно крепче, а ты от ветра шатаешься. Сейчас я думаю, что ты свет во плоти. Когда я погрузил этот мир в темноту, я нарушил равновесие и в результате появился ты: воплощённый свет и добро. Поэтому ты меня греешь и поэтому ты так слаб...

Я слушаю его, открыв рот. Это я добро? Я?! Свет? Ха. Ха! Нет, по сравнению с Дамианом сейчас я просто душка, но... Я людей не люблю! Я помогать не умею! Меня в феи не взяли! Я герою отказала!

Какое же я добро?!

– Поэтому тебя так коробит любое моё... Виил?

– П-прости, – я поворачиваюсь, скатываюсь с его колен и сгибаюсь, прижимая колени к груди. – П-продолжай...

– Виил, да что опять с тобой?!

– Н-ничего... Ой, не могу, ха-ха, я добро, ха-а-а! Да это же всё из-за меня, дурачок, это же я, это всё я!..

Дамиан снова суёт мне какое-то зелье, я отказываюсь, но потом всё равно пью, потому что Дамиан настойчив. Это оказывается успокоительное. Не менее горькое, чем предыдущее.

– Браслет надень, – приказывает Дамиан, забирая пустой бокал.

– Хорошо, хорошо, но, может, я просто зелья буду пить по утрам, а?..

– Будешь. И браслет наденешь. Вдруг я снова выйду из себя, – рассуждает Дамиан, пока я надеваю браслет и сажусь на подушки. – Ты меня выведешь, я решу тебя заколдовать, потом пожалею... А так на тебя не будет действовать большинство моих проклятий...

– О, ну тогда это хорошая штука, – киваю я, поглаживая браслет. Нет, всё-таки чёрный. И, может, это не лисы, а волки? – Спасибо. – И замираю, глядя на его губы. Мне чертовски хочется его поцеловать!

– А ведь ты меня выведешь, – продолжает Дамиан, не замечая моего взгляда. – Даже если я казню всех заключённых. И даже если принесу тебе их головы. Скажи, милый, дорогой мой Виил, какого демона ты освободил моего дракона?

Я снова вздрагиваю.

– Ты что, обратно его повесил?!

– Пока нет, – усмехается Дамиан. – Я решил подождать, пока ты проснёшься и всё мне объяснишь. Начинай, мой Виил. Мне интересно. Зачем ты это сделал?

– А зачем ты его вообще повесил? Дамиан, я не понимаю – он же твой дракон! Ты знаешь, что рискуешь остаться вообще без дракона? Так нельзя с живыми, они могут сломаться, представь, как я, только навсегда!

Дамиан тихо смеётся.

– Ну и что ещё я ожидал от тебя услышать? Скажи, Виил, если сюда явится герой, победит меня, как это обычно бывает с Властелинами, и соберётся убить, ты за меня тоже вступишься?

– Да я его сама, сам – сам! – убью!

Слава богу, Дамиан не замечает моей оговорки.

– Правда? Но я же такой мерзкий, вешаю бедных несчастных драконов в цепях во дворе, оставляю их умирать...

Я хватаю его за плечи.

– Ты – это ты. Я никому не дам тебя убить. Слышишь? Никому! Пусть только попытаются!.. Да что ты опять смеёшься?!

– Ты... – пытается выговорить сквозь смех Дамиан, – ты же меня боишься. Так зачем?..

Потому что я должна вернуть тебе сердце и спасти этот мир... Хм, а я точно не герой? А, точно. Герои не исправляют свои же ошибки, они прекрасны, сильны, чисты духом и ни в чём не сомневаются.

– Потому что... потому что... Не дам и всё! И не смотри на меня так. Никакое я не добро. Просто... А! – Я отворачиваюсь, потом, справившись с собой, уже тише прошу: – Не тронь Туана, ладно? Пожалуйста.

– Кого?

– Твоего дракона! Ты что, даже имени его не узнал?

– Нет, – спокойно отвечает Дамиан. – Меня интересует только твоё имя, и ты, потому что ты единственный. А дракон... найду другого, когда этот кончится.

Я захлёбываюсь воздухом. Кончится?!

– Но если он тебе так понравился, Виил, пожалуйста, не трону. Мне почему-то нравится делать тебе приятное. Хоть кому-то! – усмехается Дамиан. – Пусть поправляется. В конце концов, та фея может и подождать, никуда она не денется. А вот если я завоюю её королевство и покажу её мать в цепях... – Дамиан улыбается и цоклет. – Это будет великолепно!

– Ужас какой...

– А! Тебе, Виил, не понять, – усмехается Дамиан. Потом смотрит на меня – а я на него... Кажется, проходит целая вечность, перже чем Дамиан тихо говорит: – А хочешь... хочешь, я и гоблинов тебе подарю?

Гоблинов? Роз!

– Сможешь хоть вообще их отпустить, я всё равно разрушу их подземелья и убью...

– Хочу!

– Тогда улыбнись.

– Что?

– Улыбнись. Это же подарок. Ты не рад?..

Я смотрю ему в глаза, моему Дамиану, заколдованному, но моему. И улыбаюсь. Дамиан тоже улыбается в ответ – по-настоящему, несмело, и...

Под его рубашкой сияет что-то, что-то тёплое, знакомое...

Дамиан вздрагивает, закрывает свет рукой, но он рвётся сквозь пальцы – пока его не скрывает тень, дух, что-то, вызванное Дамианом.

– Не обращай внимания, – небрежно говорит он, – просто артефакт.

– Конечно, – киваю я.

Так вот где твоё сердце!..

За завтраком Дамиан снова болтает, как заведённый. Я пытаюсь слушать, понимаю, что это опять про демонологию, и что это намного сложнее учебника для начинающих, который я читала, и просто ем сырные тосты. Специально для меня на столе стоят десять сортов мёда, засахаренные фрукты, варенье из роз и большой клубничный торт. Но Дамиан сунул мне тост в самом начале, повторив мой вчерашний фокус «а слабо поробовать?», и я грызу несчастный кусок хлеба уже минут пять, внимая какому-то принципиально новому способу вхождения в Астрал.

Потом замечаю у стены Габриэля.

«Габри! Ты что тут делаешь? А Туан?»

«Заперт и связан заклетьями, – хмуро отзывает демон. – Он мне надоел. В жизни не видел такого скучного дракона! И он ещё что-то от меня прячет, а я не желаю лезть в его сознание и узнавать, что именно, но сам он не говорит, а я уже тебе поклялся ему не вредить! Ужасное утро»

«А я чуть не умерла...»

«Я обрадую тебя, фея, ты не умрёшь ещё по крайней мере месяц»

«Почему месяц?»

«По предсказанию»

«Какому?..»

– Виил! – хлопает ладонью по столу Дамиан и смотрит на меня зло-зло. – Ты меня не слушаешь!

– М-м-м, нет.

Замершие слуги боятся дышать, а Дамиан сверлит меня взглядом.

– Мне скучно слушать о демонологии. – Я макаю овсяное печенье в ближайшую ко мне вазочку с мёдом. М-м-м, Melissa – только она такая терпкая.

– Ты будешь слушать о том, о чём я захочу с тобой говорить!

– Да куда ж я денусь.

Дамиан секунду смотрит на меня, потом ошеломлённо моргает и смеётся. Я пожимаю плечами и тянусь за следующей вазочкой. М-м-м, а тут мёд какой? По цвету – липовый. А по вкусу?

– Ты прав, никуда, – говорит Дамиан, успокоившись. И тут же: – А о чём ты бы хотел поговорить?

– М-м-м, ну... – Меня с утра вообще не тянет разговаривать, но раз так... – Может, расскажешь о своих планах на будущее? Ну вот завоевал ты мир – и что?

– Буду им править, – тут же отзывается Дамиан.

– Зачем?

Дамиан улыбается.

– Ты сама наивность, Виил. Я должен внушать ужас и поражать силой. Иначе меня убьют.

– Ну ещё бы, если ты будешь превращать всех в статуи направо и налево...

– Ты меня осуждаешь?

– И ты ещё спрашиваешь?

Дамиан молча смотрит на меня – долго, изучающе, так, что я начинаю чувствовать себя неуютно.

– Скажи, Виил, а ты не хочешь сам поговорить с королём гоблинов?

– Э-э-э... – Странно, какая связь между осуждением и Ульриком? Подозрительная какая-то смена темы. – Хочу...

– Прекрасно, – Дамиан ставит свой бокал на стол и встаёт. – Зеркало принесут тебе в комнаты, посла гоблинов приведут туда же. Встретимся на обеде. В полдень.

– Хорошо. Дамиан?..

Но он уже на меня не смотрит, перед ним как по волшебству возникает крыс и что-то рассказывает про каких-то лордов, с которыми надо встретиться... Я переглядываюсь с Габриэлем.

«Габри, в чём дело?»

Тот еле заметно пожимает плечами, и, когда я заканчиваю завтрак, вместе со мной идёт в мои комнаты. Коридоры на этот раз пусты, разве что парочка статуй отмечает мой путь, но их слуги уносят буквально у нас на глазах. На мой вопрос, куда, говорят, что в сад. Дамиан решил завести себе всё-таки сад камней...

– Господин Виил?

Я вздрагиваю и сталкиваюсь взглядом с лордом, бывшим советником Ромиона и, выходит, нынешним – Дамиана. Вчера я видела его в тронном зале.

Лорд вежлив и галантен. С ним я забываю, что выгляжу парнем (довольно уродливым парнем, если честно). Он галантно (или фривольно?) берёт меня за руки, отводит на балкончик, большое внимание уделяет моим глазам (да, единственное красивое, что у меня сейчас есть), потом ещё что-то хвалит. Габриэль привычно изображает стенку, а я слушаю, слушаю, слушаю... И, наконец, лорд, решив, что достаточно расположил меня к себе, интересуется, нравится ли мне быть в услужении у Тёмного Властелина? Я теряюсь. Лорд тонко улыбается, глядя мою руку, и рассказывает, что на берегу Океана, в спокойном королевстве Милинда меня уже ждёт прекрасное тихое поместье, где я стану никак не менее чем королём, и небо в алмазах будет сиять надо мной при одном только маленьком условии: если я соглашусь подсыпать нечто в бокал Дамиана за обедом. Так ведь всем будет лучше, уверяет лорд, если Тёмный Властелин исчезнет. А с этим ядом он точно исчезнет, это сильный яд, им ещё прошлого Властелина травили. И пузырьёк уже оказывается у меня в руке, а лорд улыбается на прощание...

– А если я откажусь? – спокойно интересуюсь я.

Тогда лорд – не менее спокойно – рассказывает, что в случае моего отказа его, по меньшей мере, превратят в статую, а я же против статуи, правда?

Платон мне друг, но истина дороже?

– Да. А ещё я против яда, – добавляю я, кладя пузырьёк в руку лорда. – Хорошего дня.

– Милый мой, – улыбается лорд. – Ты меня не понял...

– Габриэль!

– Да, хозяин.

– Если этот господин ещё хоть слово сейчас скажет, сделай его немым.

Ухожу я в полном молчании, а лорд, прищурившись, смотрит мне вслед. Со странным выражением на лице.

– Как он может не бояться, что я расскажу Дамиану? – взрываюсь я, свернув коридор, ведущий в нужное мне крыло дворца. – Он что, считает меня настолько туп... тупым?!

– Действительно, – хмыкает Габриэль, по привычке идя на шаг позади.

– Действительно?

– Господин, – вздыхает Габриэль. – Его и послал Дамиан. Это же очевидно.

Я замираю.

– Что?

– И это Дамиан считает тебя не слишком умным. Господин. – Похоже, Габриэль с ним согласен.

– Но... Но почему?!

– По его мнению, умный сидел бы дома, а не лез к Властелину в твердыню.

Логично, чёрт возьми!

– Но я же говорил... Говорил, что не хочу его смерти, что наоборот...

– А он вам не поверил, – впервые за сегодня Габриэль улыбается. – Он Властелин, господин. Все хотят его смерти. И на этот раз он просто решит, что вы умнее, чем он считал. Так что ждите следующей проверки.

Дальше мы идём в молчании. А я-то считала, что Дамиан ко мне привык, что между нами появилась какая-никакая связь! У него ведь даже сердце сегодня сияло!

– Милорд, – кланяется кто-то из слуг, тоже в тени, и я вздрагиваю. Снова отравитель? – Милорд, король гоблинов ждёт вас.

Я изумлённо смотрю на него, потом озираюсь, но Ульрик, конечно, не прячется за портьерами. Слуга замечает моё замешательство и кланяется ещё ниже.

– Милорд, в ваших покоях установили зеркало, милорд, и придворный волшебник уже его настроил.

– Да-да!

Слуга, не разгибаясь, предлагает меня проводить. Габриэль за моей спиной хмыкает. Я соглашаюсь, и до нужной двери мы доходим очень быстро, почти бегом.

Ульрик – в зеркале чуть не на всю стену – стоит, прислонившись к резному шахматному столику, барабанит по нему посеребрёнными когтями и переводит взгляд со своего посла в цепях на волшебника в чёрном с серебряным значком на груди. А стоит мне войти – смотрит на меня. С такой смесью презрения, удивления и ненависти, что мне жаль, здесь нельзя фотографировать. За такой снимок мне бы дали премию. Подозреваю, что Ульрик вообще очень фотогеничен, но такую мину и нарочно не строишь.

Эти мысли позволяют мне не сбегать сразу же, а с достоинством пройти на середину комнаты и даже не дрогнувшим голосом попросить мага, а также невидимых слуг оставить меня одну. То есть, одного. Слуги и рады уйти, а вот маг медлит. Оглядывая меня с ног до головы, словно мы на рынке, и я товар, он цедит что-то про приказ Властелина, а ещё про то, что мне нужна охрана. Ну, то есть защита.

– Габриэль, – уже привычно вздыхаю я. – Пусть он уйдёт.

– Уйди, – бросает магу демон.

Маг удивляется, издевательски смеётся... И уходит, полагаю, удивившись ещё больше. Явно не по своей воле. Габриэль невозмутимо закрывает за ним дверь.

– Почему он так на меня смотрел? – забывшись, говорю я вслух. – Он странно на меня смотрел, Габриэль, тут нигде нет ловушки? Вдруг зеркало взорвётся? Или...

– Нет, господин, – скучающе отзывается демон. – Просто весь двор считает, что вы спите с Властелином.

– Но я и так с ним сплю... Что?! Но я же... Я же... – Я машу рукой в перчатке. – Как?!

– Вы наивны, мой господин, – усмехается Габриэль.

– Мальчик, может быть, ты, наконец, закончишь обсуждать свои отношения с Властелином – мне они совершенно не интересны – и повернёшься? – говорит из зеркала забытый всеми Ульрик.

– Ой! – Я поворачиваюсь. – Прошу прощения. Здравствуй, Ульрик! Как там Роз? Она рядом? Я могу с ней поговорить?

Я всего один раз видела короля гоблинов таким удивлённым: когда после заката я превратилась из лягушки в красавицу и оказалась почти копией сестры. Ульрик тогда тоже смотрел на меня, как на привидение. Хотя, подозреваю, привидениями в этом мире никого не удивишь.

– Мой господин, – говорит между тем Габриэль. – Я хочу вам напомнить, что чем больше людей знает ваш секрет, тем сложнее его сохранить.

– Но ты же мне поможешь? – улыбаюсь я.

– Я постараюсь. – Габриэль отворачивается.

Ульрик, вскочив, бросается к зеркалу со своей стороны. Бросается и визжит на ультразвуке:

– Откуда ты знаешь мою жену?

– Что, уже и поженились? – изумляюсь я. – Без меня? Ещё и, поди, без мамы?

– Ты... – начинает король гоблинов, но я снимаю перчатку и улыбаюсь.

– Ульрик, это я. Здравствуй ещё раз.

Король гоблинов отступает от зеркала.

– Это шутка Властелина? – спрашивает он невесть у кого.

– Какие тут шутки! – вздыхаю я.

Ульрик моргает, смотрит на меня, моргает снова.

– Виола?

– Я, Твоё Ужасничество.

– Ты, – кивает он. Потом секунду молчит...

И на меня обрушивается град вопросов. А я обрушиваю град вопросов на него. И так это длится минут двадцать, пока мы, наконец, не выясняем, что свадьбы ещё не было, с Роз всё в порядке, вся Кремания переехала к будущему родственнику под землю и готовится к обороне, ибо Властелин грядёт. Ну а я в свою очередь рассказываю, что... ну... я как бы во всём этом виновата. Мда. Ульрик заявляет, что даже в этом не сомневался, и тут же начинает давать мне ценные указания.

– Ты немедленно сбежишь и отправишься под землю! Виола, твоя сестра...

– Передай Роз, что я её люблю-целую-спасаю мир.

– Виола! – Ульрик спотыкается. Потом молча смотрит на меня минуту. И: – Он по-прежнему к тебе не равнодушен?

– Дамиан? Да...

– Отлично.

Теперь Ульрик завербовывает меня в шпионы. Замершему в углу послу тоже дают ценные указания: он будет работать связным. Как-то, я не поняла, как, но будет. Сбежать не может, а связным будет? Странно, но ладно, Ульрику виднее. Ну а я в свою очередь должна передавать всё, что узнаю ценного, оттягивать войну с гоблинами и вернуть Дамиану сердце. Видите, какой простой план!

– Виола, знай: если что, я вытащу тебя оттуда любыми средствами, – говорит напоследок Ульрик.

– Польщена, – хмыкаю я, надевая перчатку. – Правда, Дамиан теперь всех заколдовывает в камень, так что придётся тебе тащить меня к Роз в виде статуи.

– Ничего, у меня отличные маги. – Ульрик прерывает разговор, а Габриэль открывает дверь, запуская слуг и мага. Посла гоблинов уводят: он должен передать Властелину, что его король готов подумать над его предложениями. Как насчёт... (а дальше долгая речь, я её не запомнила).

Меня тоже уводят, но в другую сторону: уже полдень.

Дамиан на обед опаздывает. Я жду, сидя за столом, поглядываю в окно – там висит туман, такой плотный, что даже двор внизу видно плохо. Но я замечаю, что позорный столб срыли – и когда Дамиан, наконец, входит, я улыбаюсь искренно и радостно. А вдруг даже без сердца он может быть... нормальным?

Дамиан на улыбку не отвечает – проходит к столу, тяжело опускается в кресло и откидывается на спинку, закрыв глаза.

– Что-то случилось? – Я встаю, подхожу к нему, кладу руки на плечи.

Дамиан, кажется, машинально тянется к моим пальцам щекой. Он снова холодный, как лёд.

– Всё хорошо, – помедлив, отвечает он. – Садись, Виил.

Я возвращаюсь к своему креслу, хотя больше всего на свете сейчас хочется гладить его щёки, зарыться пальцами в волосы, коснуться губ и целовать, долго, долго, долго...

– У нас сегодня особенное блюдо, – говорит Дамиан, и я с трудом отрываю взгляд от его губ.

– Правда? А что мы празднуем?

Дамиан криво улыбается, и делает знак кому-то из слуг. Тот ставит передо мной большое серебряное блюдо, закрытое крышкой. Я замечаю, что у слуги дрожат руки: крышка трясётся. Но, может, это от усталости? Может, там что-то тяжёлое?

Но я на всякий случай вжимаюсь в спинку кресла и смотрю на Габриэля. Тот не смотрит в ответ, а Дамиан, наоборот, ловит мой взгляд и усмехается. Потом тянется, резко снимает крышку.

На серебряном блюде лежит каменная голова гоблина-посла.

– Я же тебя предупреждал, Виил, – грустно говорит Дамиан. – Ты не лгал, когда говорил, что моя смерть тебе не нужна: но может, ты просто не можешь убить меня сам? А гоблины с этим отлично справятся, да?

Перед глазами темнеет, а голос Дамиана доносится, как сквозь вату.

– Император Ульрик просил тебя потянуть время, не так ли? Что ж, тебе не нужно стараться: я уже отправил армию в его королевство. Оно не продержится долго. Хочешь, я подарю тебе голову Ульрика, когда подземелья падут? Или ты хочешь его живым? Я могу сделать его совсем ручным, даже превратить во что-нибудь – тебе понравится. Его королеву я, конечно, заберу себе... Виил? Виил?!

Это последнее, что я слышу, прежде чем потерять сознание.

Просыпаюсь я снова в объятиях Дамиана, снова на его кровати, и снова он гладит мои волосы.

Я отворачиваюсь.

– Ты меня ненавидишь? – тихо спрашивает Дамиан.

Я глотаю слёзы.

– Нет. Я ненавижу себя.

– Себя? – Дамиан прижимает меня крепче. – Почему?

– Потому что всё это моя вина.

– Да, тебе стоило быть умнее, признаю. Очень глупо было договариваться со своим нанимателем в моём же дворце.

– Нанимателем? Он не!..

– Да. Я знаю, Виил, я знаю, как это делается. Ты добрый, и ты дурачок. И теперь ты мой. Только мой, запомни это, я не дам тебе служить больше никому, кроме меня. Ты... – Он рывком поднимает меня, поворачивает, вглядывается в лицо и осторожно убирает слёзы со щёк. – Зачем ты плачешь?

– Так бывает с людьми, когда им плохо, – шепчу я. – Раньше ты это тоже знал. Если бы не я, если бы...

– Дурачок. – Дамиан закрывает мне рот. – Не говори так. Не плачь. Я хочу, чтобы ты улыбался. Что бы ты был весел для меня.

– Стал твоей куклой? Твоим фаворитом? Любовником?

Дамиан смотрит мне в глаза, потом пожимает плечами.

– Ты уже мой фаворит. И я говорил, что будет, если ты станешь вести себя не так, как мне угодно.

– Может, лучше убьёшь, а?

– Ну уж нет, ты мне нужен живым, – он кладёт мою руку себе на грудь. – Чтобы вот здесь у меня было тепло.

Я закрываю глаза и ясно вспоминаю, зачем я здесь. А также что будет, если я не справлюсь. Он обратит весь мир во тьму, а меня убьёт. Или заставит в этом мире жить, что будет равносильно убийству.

Габриэль говорил, что я должна стать Дамиану настолько близка, насколько возможно, чтобы он захотел сам исполнить моё желание. Любое.

Значит, я сделаю вид, что меня всё устраивает и сыграю для него кого угодно, да хоть и любовника, если нужно. Какая же я! Не думала ведь, что здесь меня ждут райские кущи, а сама права качаю вместо того, чтобы делать то, зачем вернулась.

Габриэль прав, я не слишком умна. Не настолько, чтобы переиграть Дамиана. Сама я вряд ли справлюсь и сдержусь, на демона положиться нельзя: я ведь просила его скрыть нашу беседу с Ульриком. Он и скрыл: ту часть, где я говорю, кто я.

Мне нужна помощь того, кому я могу доверять. Кого-то умнее меня.

– Ну же, Виил, – горит Дамиан. – Ну что ты? Ты будешь в безопасности, я позабочусь о тебе. Тебе всего-то и нужно – радовать меня. Разве я настолько прихотлив?

Я улыбаюсь, сначала через силу, потом беру себя в руки.

– Ты прав. Я сглупил. И да, ты точно лучший покровитель, чем Ульрик. – Я кладу Дамиану голову на плечо. – Ты самый сильный, это правда. Я буду с тобой, если ты этого хочешь.

Дамиан отстраняется, смотрит на меня, щурясь, пару мгновений.

– Наконец-то ты это понял! Виил, милый мой, я хочу сделать тебе подарок. Что ты желаешь?

Рано требовать у него сердце, ещё рано.

Я надуваю губы и опускаю взгляд: вроде как смущена. Э-э-э, смущён.

– Ты откажешься.

– Только если ты попросишь моей смерти, друг мой. Или чего-то равноценного. Ну же, что ты хочешь?

– Ты можешь расколдовать кое-кого? Ну, кого ты превратил в статую?

Дамиан моргает, потом заливисто смеётся.

– Чего от тебя ещё ждать, дурачок! Да, могу. Кого? Того гоблина? Могу приделать ему голову обратно, не так уж это сложно – статуе-то. Да? Его ты хочешь оживить?

– Нет...

– Нет? Ты меня интригуешь, – веселится Дамиан. – Кого же? Называй, дорогой мой, даю слово, расколду, кого скажешь.

– Слово? – повторяю я. – Правда? Ты даёшь слово? Кого я скажу? Кого угодно?

Дамиан молчит мгновение, потом кивает.

– Да, кого угодно, и да, даю. Цени, Виил, видишь, что ты со мной делаешь? Не будь ты таким дурачком, ты бы мог столького добиться!..

А я добьюсь. Я, может, и дура, но знаю, кто умнее. И кому точно можно верить. Кто мне поможет наверняка.

– Ну, Виил, что такое? Говори, не тяни, а то я начну вспоминать всех мною заколдованных, а это длинный список!

– Расколдуй своего брата, – говорю я, глядя, как вытягивается лицо Дамиана. – Расколдуй Ромиона.

Глава 5

В которой сначала пытаются убить меня, потом – Тёмного Властелина

«Ну предал тебя демон? – размышляю я, идя по пустым сумрачным коридорам в свои комнаты. – Так с кем не бывает! Ты же ему и так не верила. И потом, другом он твоим не был, что ты от него ждала? Бедняга зовёт тебя «господином», кланяется и исполняет твои приказы типа «избавь меня от того-то и того-то». Замучился он, устал! Гордый, вот и чудит. Скучно стало».

«Скучно? – отвечаю я сама себе. – Ну я его развеселю. Ну я его при встрече так развеселю!»

«Так он же всемогущ»

«Вот именно», – вставляет Габриэль, невежливо вмешиваясь в мой «разговор».

«Габри, я тебя честно предупреждаю, только появись мне сейчас, только появись, и твоё всемогущие тебя не спасёт!»

«Мне очень хочется узнать, что же ты сделаешь?» – смеётся демон.

«Сейчас узнаешь!»

Правда в том, что я и сама пока не знаю, что я сделаю, но обязательно придумаю, когда вернусь в свою гостиную. Подальше от Дамиана, а то он, кажется, сошёл с ума. Впрочем, он и раньше был не шибко в себе, но сейчас ещё и буйствует.

Оказывается, демонолог действительно обязан исполнить данное обещание. Закон Астрала. Дамиан выслушал мою просьбу с каменным лицом, спокойно поинтересовался, какого демона мне сдался Ромион, получил невразумительный ответ: «Да просто так. Хочу!» И принялся крушить всё вокруг. Правда, сначала попросил меня выйти. Ну, то есть, как – «попросил». Кажется, это был крик души: «Виил, исчезни, а то я тебя сейчас убью!» Примерно то же хотела бы я крикнуть и ему, но из нас двоих сила и желание убить есть только у Дамиана, так что... исчезла я. На всякий случай. А то разок он заклятьем в меня угодил, пока я к двери бежала – браслет до сих пор никак не остынет.

Тяжела жизнь с Тёмным Властелином...

В моих комнатах Габриэля, конечно же, нет. Решил всё-таки не испытывать моё терпение – мудро. В таком состоянии я могу назло ему вывалиться из окна, и пожалеть об этом только когда приземлюсь во дворе.

Зато в спальне есть очень грустный Туан. Одетый в лёгкий домашний костюм – рубашка и брюки очень напоминают пижамные – Туан сидит на подоконнике, глядя во двор. Во дворе кружатся снежинки, сверкают в свете факелов. Больше ничего интересного там нет, и уж совсем ничего, что могло бы заставить расплакаться – Туан сидит к окну вполоборота, и я вижу, как блестят слёзы на его щеке.

На мгновение меня прошибает острая жалость: бедняга так рвался к тому, чтобы обратить мир во зло, а теперь страдает... А потом я вспоминаю, при чьём деятельном участии я сделала то, что сделала, и как сама однажды сидела у этого окна, глотая слёзы. И что сказал потом Туан, войдя и застав меня в таком виде.

Кого я жалею?

– Привет, – небрежно бросаю я, закрывая дверь и опускаясь в кресло у горящего камина. – Вижу, тебе похорошело.

Туан оборачивается и огревает меня ненавидящим взглядом. Я ловлю его и усмехаюсь.

– Взаимно, я тебя тоже не люблю.

– Повелитель... что-нибудь приказывал на мой счёт? – глухо говорит Туан, не шевелясь.
– Да он о тебе и думать забыл, – отмахиваюсь я, забираясь в кресло с ногами. – Даже имя твоё не знает. И вообще, ты ему только как транспорт нужен. Ездовой дракон. Круто, да?

Туан закрывает глаза и отворачивается к окну.

– И вот этого ты хотел? – рассуждаю я. – Стать его рабом? К этому ты стремился?

Туан молчит. Ненавижу, когда молчат в такие моменты. Как будто отгораживаются, как будто не хотят меня слышать. Допускаю, что Туан меня не только слышать, но и видеть не хочет – но уж нет, пусть слушает! Я его терпела, я его дурацкие приказы исполняла, теперь пусть он мучается. Нет, мне его не жаль! Не. Жаль. Совсем.

– Ну правда, как тебе – ты же добился своего. Чего не радуешься? И я ещё спасти тебя должна. Я? Тебя? Ну что ты там бормочешь? Как я тебя бедного достала?!

– Ты ничего не понимаешь, – громче повторяет Туан, поворачиваясь ко мне. У него пронзительные глаза, и до этого яркие, а сейчас словно светятся. – Ничего.

– Ну куда мне! – фыркаю я. – Это ты у нас самый умный. «Я Властелина взращу, я его контролировать буду!» Ну как? Подчиняется он тебе?

Туан снова отворачивается, и я не выдерживаю – встаю и иду к нему. Чую, будет драка. Сейчас ещё чуть-чуть себя накручу...

Туан снова оборачивается. Молча. С ненавистью смотрит.

– А я тебя тоже ненавижу, – говорю, глядя ему в глаза. Мне страшно: на меня ещё никогда так не смотрели. С таким желанием... чтобы меня не было. Чтобы мне было плохо. Чтобы я сгинула. – Ненавижу, потому что это ты во всём виноват. – Неправда, я так не думаю! Но сейчас мне хочется говорить гадости, ударить эту ненависть сильнее, чтобы она исчезла, она, а не я. – Ты сделал это с Дамианом, из-за тебя он такой. И в следующий раз я оставлю тебя висеть на том столбе. Или куда он ещё тебя повесит. Потому что ты это заслужил. Дамиану на тебя плевать. Он мне сам говорил. Говорил, что в мире найдётся другой дракон, если тебя не будет, так что ты...

Я так увлеклась, что не заметила, как взгляд Туана изменился: ненависть сменила страх, страх – ужас, а потом – ярость. И сами глаза меняются тоже – полыхают алым, лицо вытягивается, руки сверкают золотом...

Рыча, Туан бросается на меня.

Отпрянуть я успеваю, но спотыкаюсь о ковёр – в итоге мы летим на пол вместе, я и Туан. Туан ещё и никак не может определиться с формой: от него несёт пеплом и душит жаром, вцепившиеся мне в шею ногти удлиняются и заостряются, царапаются так больно, что я чувствую, как по спине, к лопаткам что-то течёт, и тут же понимаю: кровь.

Кажется, этот неудачник-дракон решил меня убить.

Нет, я конечно, не думаю так стройно, катаясь с ним в обнимку по полу и пытаюсь стучать головой Туана о все более-менее острые предметы вроде ножки кресла. Я в это время вдохнуть пытаюсь. Но просто сам способ – изумителен. Был бы Туан вменяем, снял бы с меня перчатку и приволок к Дамиану, пока Габриэль где-то бродит. Но нет, Туан решил всё сделать сам. И у него бы получилось, обязательно бы получилось – я уже теряю сознанию, перед глазами темнеет, а в ушах звенит.

Так что свист плети я пропускаю. Туан в это время сидит на мне, душит, но от удара вздрагивает, разжимает пальцы...

Снова свистит плеть. Жуткий звук.

Туан скатывается на пол, под ноги замахивающемуся Дамиану, сжимается в комок. Когда плеть опускается ему на спину, разрывая рубашку, он только вздрагивает. Дамиан с каменным лицом снова замахивается – и я, откашлявшись, решаю, что с меня хватит.

Хорошо, что Дамиан замирает, когда подлезаю ему под руку – получить бы этой плёточкой мне не хотелось. Там ещё что-то вроде серебряных игл на концах кожаных «хвостов». Чёрт возьми, он этим постоянно Туана бьёт?!

Дурачки улыбаясь, я говорю:

– Это я первый начал!

Дамиан отшвыривает плетъ – она красиво исчезает прямо в полёте. Рассыпается синими искрами.

– Что – начал?

– Ну, мы разговаривали, а потом я нелестно отозвался о, – я смотрю вниз, на неподвижного Туана, – о нём. Очень нелестно. Так что всё справедливо. Не бей его больше, ладно?

Страшно подумать, как на моём нынешнем лице смотрится выражение кота из Шрека, но своё оно отыгрывает: Дамиан морщится, потом улыбается и, наконец, смеётся. Долго, так долго, что я начинаю думать, не истерика ли это.

Всё ещё смеясь, Дамиан пинает Туана.

– Вставай, дракон. И если ты ещё раз хотя бы подумаешь о том, чтобы причинить вред моей игрушке...

Игрушке? Игрушке?!

Оп-па, меня с фаворита до игрушки понизили. С чего бы это?

– ...я буду убивать тебя долго, так долго, чтобы всем вокруг, кого такая же мысль посетит, было понятно, что я сделаю, если они решатся на что-то подобное.

По-моему, Дамиан заговаривается. Но зато пафосно и, ну, с чувством.

– Не надо, повелитель, – отвечает Туан. – Я больше никогда не посмею тронуть то, что принадлежит вам.

«То, что принадлежит...»

Короче, эта парочка друг другу подходит.

– Прекрасно, – роняет Дамиан, оглядывая Туана. – Вижу, ты уже оправился. Отлично, завтра мы летим к феям в Сады.

– А меня возьмёте? – воодушевлённо бросаю я. – Ну пожалуйста, Дамиан, ты же обещал свозить меня в Сады, а то я там никогда не был!

Туан моргает, но в целом, выражение лица у него нечитаемое. А вот Дамиан морщится.

– Нет. В другой раз. Завтра тебе будет чем заняться.

– То есть? – холодея, интересуюсь я. Что он опять выдумал?

– Ну ты же захотел моего брата, – ворчит Дамиан. – Ты его получишь. – И, глядя на меня, добавляет: – В ошейнике. Рабском.

– А... Но...

– Ты же не думал, что я позволю моему старшему брату свободно разгуливать по дворцу и колдовать направо и налево?

– Нет? Нет, но...

– Ты настолько дурак! – вздыхает Дамиан, и на лице Туана мелькает улыбка.

Боже мой, что Ромион на это скажет?!

– А может...

– Не может! И хватит об этом. Сейчас ты сопровождаешь меня на приём к... этому... как же его... Какому-то герцогу, я забыл имя. Да, и надо будет сшить тебе одежду поприличней...

– Но может, всё-таки...

– Я сказал: хватит!

Комната от крика вздрагивает, Туан вздрагивает, одна я уже привыкла.

– Ладно-ладно, идём.

Но Ромион меня убьёт...

Приём у герцога «Как-его-там». Картина маслом: танцы, роскошь, алмазные цветы в вазах, певица на возвышении, задник позади неё представляет лес, а она, наверное – нимфа. Дамиан, сидя в кресле, подперев щеку рукой, скучающе на всё это смотрит. Рядом – я, тоже в кресле и в такой же позе.

– Напомни, зачем мы сюда пришли?

– Да демоны его знают, – зевает Дамиан, выдувая из указательного пальца лепесток пламени. – Виил, дай руку, мне холодно.

Я, тоже зевая, протягиваю.

– Может, тогда ну его? Спать охота.

Дамиан молча смотрит на шепчущихся лордов у противоположной стены.

– А, ну да, точно, вспомнил. Виил, тебе тут нравится?

– Не-а.

– Но красиво же? И роскошно.

– Ну... да...

– Моё будет.

Я с тихим стоном откидываюсь на спинку кресла, а Дамиан вздрагивает.

– Виил? Ты не сломался?

– Ещё нет, но уже вот-вот. Может, займёшься покупкой дома завтра? Серьёзно, я уже не могу тут сидеть.

– Покупкой? – ухмыляется Дамиан. – Кто говорит о покупке? Виил, видишь этих господ? – Он кивает на шепчущихся лордов. Среди них и хозяин замка, Безымянный герцог. – Сейчас они будут меня убивать.

– А-а-а... А можно я пропущу это животрепещущее действо? Меня воротит от вида крови. Серьёзно, Дамиан!..

– Успокойся, Виил, крови не будет. Но разве что чуть-чуть. Они попытаются меня отравить. Смотри.

Как раз сейчас герцог просит минуточку внимания и произносит тост за Властелина. Все тут же бросаются к бокалам. И дружно пьют, славя этого самого Властелина. Дамиану тоже подносят бокал, почтительно, с глубоким поклоном. А потом – и мне.

Дамиан пьёт, я только взбалтываю вино, потом ставлю бокал на пол.

– Смотри-смотри, – шепчет Дамиан и, картинно выронив бокал, падает в кресло. Типа умер.

Я снова принимаю скучающую позу – я единственная, потому что остальные сначала замирают, потом начинают суетиться, кто-то подбегает к Дамиану, дёргается: взять-не взять его за руку? Наконец, решается, берёт, щупает пульс, громко вопит от радости: «Ура, Властелин мёртв!»

– Кретины, – шепчу я, но меня никто не слышит. К Дамиану кидаются остальные лорды, все с кинжалами: видимо, задались целью хоронить своего Властелина в закрытом гробу.

Дамиан до последнего лежит, не шевелясь – но первый же замахнувшийся обращается в камень. А Властелин картинно восстаёт из мёртвых.

Итог: немая сцена. Каменная. Половина королевских придворных заколдована. Симпатичная скульптурная композиция, Гоголю в его «Ревизоре» и не снилась...

– Нет, ты видел их лица? – Всё никак не успокоится Дамиан, уже дома, ведя меня к себе. – Видел? А глаза?!

– Видел...

– Пожалуй, поставлю этого герцога в гостиную вешалкой!..

– Все злые маги ставят своих врагов вешалками.

– Эх, ты прав. Не хочу повторяться. Но какой у него был взгляд, ха-ха!

Ха-ха.

В спальне Дамиана уже говорит свет, а на кровати лежит полуодетая и очень испуганная девушка. Красивая – с ума сойти можно. Кожа белая, нежная, волосы тёмные, уложены в косы, перевитые жемчужными лентами, высокая грудь вздымается – кажется, бедняжка очень пытается потерять сознание, но пока у неё не выходит. На Дамиана она смотрит с ужасом. На меня вообще не смотрит.

Я замираю у кровати.

– Это – что?

– Это... – Дамиан поджигает губы, пытаясь вспомнить имя. Наконец, сдаётся. – Не помню. Но это мой тебе подарок.

– Мне?!

– Ну а кому же, Виил? – смеётся Дамиан. – У нас с тобой сегодня было не всё гладко, и я подумал, что...

– ...девушка в твоей постели сделает наши отношения ближе и ровнее? – на высокой ноте заканчиваю я.

Дамиан явно не понимает.

– Разве нет? Разве она тебе не нравится? – Он подходит к кровати, подцепляет одну из кос красавицы. – Между прочим, она девственница. Цени, друг мой, эту ещё даже я не тронул.

Даже?!

Дамиан что-то шипит девушке, и та, дрожа, подаётся ко мне.

– Г-господин...

Я шарахаюсь в сторону.

– Изыди! В смысле, Дамиан, спасибо тебе, но я как-то сегодня не в... м-м-м...

Дамиан весело смеётся.

– Позвать другую?

Девушка бледнеет ещё сильнее, а я прижимаюсь к стене, как к последней надежде.

– Не надо!

Дамиан хохочет.

– Как ты неловок, мой друг. Показать тебе, что нужно делать? – И тянется красавице. Та – от него, пока Дамиан не хватает её за косу, не кидает на постель...

Я взрываюсь золотой пылью.

Да... да... Габриэ-э-эль!!!

«*Не волнуйся*», – отзывается демон и исчезает.

Дамиан, забыв про девушку, поражённо смотрит на меня. Но вместо крика: «Фея!», он выдыхает:

– Ты и так умеешь? Ух ты! А сделай так ещё!

Я смотрю на оседающую на пол золотую пыльцу.

– Не умею, это в первый раз... – Если бы!

– Сгинь, – приказывает Дамиан красавице и бежит ко мне изучать пыльцу. Потом меня. «Ну надо же, как у фей!» Габриэля вина или нет, но Дамиану и в голову не приходит, что не «как у фей», а именно что «у фей», без всяких «как».

– Изумительно! Я же говорил, что ты добро! Только создания света могут создать нечто...

– Дамиан, я спать хочу!

– А, да-да, ложись-ложись...

Он ещё что-то бормочет, разглядывая меня, когда я засыпаю, прижавшись к его боку. В этот момент мне уже всё равно, поймёт он, узнает правду или нет.

«*Не узнает*», – шепчет Габриэль. – *Было бы слишком скучно, если бы он узнал сейчас*».

А демону всё лишь бы играть!..

Пробуждение на этот раз не так болезненно. Я бы даже сказала, оно приятно: я снова лежу головой на коленях Дамиана, а он лениво гладит мои волосы. И улыбается. Я тоже улыбаюсь, сонно моргая.

– Представь, Виил, я нашёл идиота ещё глупее тебя, – сообщает мне Дамиан вместо «доброего утра».

Я зеваю и равнодушно бормочу:

– Правда?

– Ага. Как думаешь, каким нужно быть дураком, чтобы не вытащить из камня меч, который тебе же предназначен? И это герой, которому полагается меня убить! Представляешь?

Со сна я не представляю ничего, только заторможено плююсь на губы Дамиана, и очень они мне нравятся.

И почему я отказалась выйти за него замуж?

– Чувствую себя оскорблённым, – усмехается Дамиан. – Ну ладно, не смог меч вытащить. Раз, второй. Так он уже месяц его тащит. Месяц, Виил! Представь! Я думал его на этот же меч сразу насадить, когда мои духи его обнаружили. Но решил понаблюдать, и бездна, это просто шут какой-то, а не герой! Принесу его сегодня во дворец. Вместе с мечом и камнем. Всё равно от Садов по пути.

– А что ты... сделаешь... в Садах?

Дамиан жестоко усмехается.

– Тебе этого, мой милый, лучше не знать. Вот, выпей. – И, приподнимая меня, прижимает к губам бокал.

Я покорно пью, потом заедаю горечь мёдом.

– Спасибо...

– Я заметил, что ты любишь мятный.

– Да-а-а...

– Спи, Виил. Мне скоро вылетать, а я ещё не расколдовал для тебя Ромиона. Учти, я не обещал оставить его в живых, если он сделает что-нибудь, что мне не понравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.